

Черный археолог

Марианна Алферова
Гробницы Немертеи

Алферова М. В.

Гробницы Немертеи / М. В. Алферова — — (Черный археолог)

Главная гробница мертвой планеты Немертеи... Легенда археологов. Золотая мечта преступников. То, что годами, десятилетиями считалось официально несуществующим!..Откуда же, черт возьми, тогда появились эти – явно немертейские – золотые предметы?Платон Рассольников по прозвищу Атлантида твердо намерен это выяснить. И если `сокровища Немертеи` действительно существуют... тогда... А что – тогда?!

Содержание

ЗЕМЛЯ-ДУБЛЬ, ОЧЕНЬ ПОХОЖАЯ НА СТАРУЮ ЗЕМЛЮ	6
В КОСМОСЕ. земля – МАЛОЕ МАГЕЛЛАНОВО ОБЛАКО	17
ПРИБЫТИЕ НА НЕМЕРТЕЮ	23
ЗОНА ОТДЫХА	28
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР СЭР НОЭЛЬ О'БРАЙЕН, КАВАЛЕР ОРДЕНА	33
БАНИ II СТЕПЕНИ	
СТОЛИЦА НЕМЕРТЕИ. НЕМЕРТЕЙСКИЙ ХРАМ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Гробницы Немертеи

Марианна Алферова

Прошло несколько веков с тех пор, как грандиозный технологический скачок вынес корабли землян за пределы Солнечной системы. Люди узнали о существовании многочисленных рас, похожих и не похожих на нашу, создали свои колонии на далеких мирах и были приняты в бескрайнюю галактическую конфедерацию. Они внесли скромную лепту во вселенскую науку и получили много нового от инопланетян, которые, надо заметить справедливости ради, вовсе не спешили делиться с чужаками своими секретами. Совсем напротив, они пуше глаза берегли наследие предков и сурово наказывали всякого, кто на это наследие посягал, даже если он исходил из самых благородных побуждений. А когда эти прижимистые существа слышали имя профессора Платона Рассольникова, за увлеченность историей прозванного Атлантидой, они скрежетали – кто зубами, кто жвалами, кто роговыми пластинами – и умоляли своих богов обрушить самую страшную кару на голову грозы космических сфинксов.

А он – в белом смокинге, с тросточкой в руке, цветком кактуса в петлице, громадным багажом знаний в голове и нежной любовью к текиле в сердце всеми правдами и не правдами проникал в сокровищницы древних цивилизаций и выносил оттуда дивные украшения для своей прекрасной дамы, имя которой – Археология.

Об одном из его подвигов и повествует эта книга.

ЗЕМЛЯ-ДУБЛЬ, ОЧЕНЬ ПОХОЖАЯ НА СТАРУЮ ЗЕМЛЮ

1

Почему Платон Рассольников обратил на нее внимание? Он и сам не знал.

Разумеется, она была примечательна. Именно примечательна, а не привлекательна. К полуночи в казино “Индепенденс” собирается такая публика, что даже неверно выбранный оттенок помады или слишком громко сказанная фраза недопустимы. Моветон. И тут эта женщина... Да, недурна, недурна... И молода к тому же, и скорее всего молодость эта естественная, без нынешних штучек – но!.. Даже мысленно Платон поставил восклицательный знак. Если у молодой особы (он никак не мог назвать ее дамой) хватило денег приобрести входной билет, то почему она пожалела пару тысяч кредитов на приличное платье? Ибо ее наряд из бледно-зеленой искусственной парчи с черными слезками вышел из моды как минимум два года назад... Или больше? Пожалуй, больше. Нет сомнения, у платья имелось достоинство: вырез открывал спину до самой ямочки. Платон подумал, что удивительно гладкая, покрытая золотистым загаром кожа незнакомки выглядела куда более дорогой, нежели платье, – странное сравнение, хотя и верное, ибо нынче в мире есть только одна возможность для сравнения: это – дороже, то – дешевле. А все остальные сравнения сами не стоят и гроша.

2

Женщине надо было явиться сюда без одежды, смотрелась бы лучше. Впрочем, если она и не пришла голой, то могла таковой уйти. Ибо опять проиграла. В течение тех минут, что Платон следил за игрой, она все время ставила на одну и ту же цифру – “19” и все время проигрывала. Ей не везло, но незнакомка упрямо делала ставки. Даже невозмутимый крупье, небрежно сметая в очередной раз горку проигранных фишек, позволил себе улыбнуться краешком рта. Женщина заметила эту мгновенную усмешку, и тут на лице ее отразилось такое высокомерие, такое ни с чем не сравнимое чувство собственного достоинства, что все спесивые лакеи должны были немедленно вытянуться в струнку при виде этих гневно изломленных бровей. И невоспитанный крупье мгновенно оценил гримаску, лицо его вновь оледенело, а губы раздвинулись в привычной вежливой и ничего не значащей улыбке, похожей на листок бумаги, на котором написано “ничего”. После этой немой сценки Платон решил, что должен еще на несколько минут остаться возле стола с рулеткой и понаблюдать за странной гостьей. Она вновь поставила на “19”. Манера ее игры не требовала особого внимания, и, разумеется, она заметила мужчину в белом костюме с бледно-лиловым цветком “*mamillaria blossfeldiana*” в петлице. Мужчина был молод, лицо покрыто естественным загаром, а русые от природы волосы выцвели до оттенка натурального золота. Зато брови остались темными. Глаза смотрели насмешливо, ироничная улыбка могла бы украсить чело патриция эпохи серебряного века римской литературы. Вот только нос, коротковатый и немного курносый, переселился на лицо аристократа с физиономии водителя грузового корабля.

Женщина улыбнулась немного натянуто и опять же слишком высокомерно и поправила – чуть-чуть – темно-каштановые волосы, пронизанные золотыми струйками крашеных прядей. мода эта была тоже давней, но в отличие от платья еще не устарела. Вновь и вновь какая-нибудь отчаянно молодая красотка решала, что золотые нити в ее прическе никто не спутает с сединой, и красила волосы подобным образом. Посетительницу казино никак нельзя назвать юной,

но ей шла золотоструйная мода, явившаяся в Галактику с Немертеи – планеты, открытой много лет назад. Там все было окутано золотыми нитями; дома, дороги, и даже деревья оплетали сверкающие сетки. Планета казалась огромным самородком, и толпы законных и незаконных искателей кладов кинулись за добычей, лишь только карантинная служба Лиги Миров дала добро. Некогда было ждать выводов космических разведчиков и космоархеологов. Вмиг залихорадило межпланетную биржу, цены на золото полетели вниз... Платон даже подумывал, не заскочить ли на Немертею по дороге с... На какой же планете он тогда был? Но это в принципе неважно. Потому что он все равно не полетел. Наверное, подсказало чутье: не трать времени понапрасну. И правда – вскоре кладоискатели хлынули назад: золотоносная жила оказалась бедненькой россыпью. Да, золото на планете было. Но слишком мало. В недрах обманчивой Немертеи нашлись лишь полностью истощенные шахты. А эти нити... Они практически невосомы и не представляют ценности. Ничего не знача как произведения искусства, на вес они все вместе могли дать не более тонны. Но попробуй собрать тонну из нитей тоньше волоса. Женщина опять проиграла. И вновь улыбнулась Платону. Фишек у нее не осталось, и она медленно поднялась из-за стола. Ее место тут же заняла какая-то лощеная девица, а не менее лощеный молодой человек в смокинге встал у своей дамы за спиной. Женщина в зеленом направилась к окошку за фишками. Но шла она как-то неуверенно, будто сомневалась, стоит ли продолжать игру, и даже пару раз остановилась и огляделась по сторонам. Возможно, она хотела убедиться, что мужчина в белом костюме следует за ней. Но скорее другое: она явно кого-то опасалась. Наконец женщина решительно шагнула к окошку и протянула что-то в полукруглое отверстие в стекле. Отнюдь не кредитку – это Платон разглядел точно. И неторопливо двинулся следом, как будто тоже собирался прикупить фишек. – Только кредитки, – он скорее угадал, нежели расслышал ответ клерка. – Я прошу вас! – эту фразу Платон различил дословно – у женщины был резковатый голос. – Очень прошу... – она вновь продвинула какую-то вещицу в окошко.

– Вы уронили... – Археолог не торопился возвращать находку – золотую тончайшую пластинку с едва заметным рельефом.

Его пальцы мгновенно ощупали реверс – нет сомнения, перед ним подлинный артефакт из гробницы Немертеи. Вернее – почти нет сомнений. Таких пластин обнаружили всего восемь, и, как помнилось – а помнил он точно, – все они находятся ныне в музее Межгалактического Археологического Общества под надежной охраной. Откуда же эта, девятая?

– Благодарю... сэр. – Она взглянула на него в упор, без тени жеманства или кокетства, будто спрашивая о чем-то или испытывая. Глаза у нее были темно-зеленые, как бутылочное стекло. Нынче такой цвет радужной оболочки не в моде. Но кто знает, может быть, цвет глаз у нее натуральный?

Он вернул ей пластину и представился, назвав вместо фамилии прозвище:

– Платон Атлантида.

Она спросила в ответ:

– Вы любите погибшие цивилизации?

Получается, она знала, кто такой Платон Рассольников. Вряд ли она слышала про ученика Сократа и погибшую Атлантиду.

– О да... Особенно, если от них осталось золото. И как можно больше.

Она почему-то не улыбнулась – даже из вежливости. Напротив, нахмурилась. И тут какой-то человек (кажется, он вышел из бара, но, возможно, Платон и ошибался) подошел, или вернее, подбежал к женщине, бесперемонно схватил ее за руку и потянул за собой:

– Уходим, скорее, уходим...

– Не хочю! – она почти закричала, и две нарядные дамы в очень дорогих и совершенно одинаковых черных платьях обернулись и строго поглядели на невоспитанную гостью.

– У тебя, еще есть кредиты? Кажется, ее спутник растерялся. Во всяком случае, он выпустил ее руку.

– Ты что, все проиграла?

– Думаешь, это сложно?

В отличие от наряда женщины, костюм мужчины был безупречен. Его обладатель говорил с заметным акцентом. Он был смуглолиц – гораздо темнее своей спутницы, – оливковый оттенок кожи казался почти натуральным – если что-то может казаться таковым в современном мире. Правильные черты контрастировали с высокими скулами, а седая шевелюра делала вид незнакомца чуточку театральным. Атлантида даже решил, что волосы у него крашенные – так они блестели в свете вечных светильников. Мужчина был среднего роста и широкоплеч, но при этом не казался громоздким.

– Я бы мог в обмен на пластинку ссудить вас некоторой суммой, – небрежно предложил Платон и поправил цветок кактуса в петлице.

Женщина испугалась (или изобразила испуг) и бросила взгляд на своего спутника. Мужчина несколько секунд молча смотрел на Атлантиду. При этом на мгновение показалось, что незнакомец вообще отключился. А придя в себя, он радостно улыбнулся, ухватил археолога за локоть и отвел в сторону, подальше от окошка неговорчивого клерка.

– И сколько вы дадите?

– Можно еще раз взглянуть на вещицу?

– Кресс! – позвал он женщину. Та подошла. – Покажи пластину. Она, между прочим золотая. – Мужчина рассмеялся.

Возможно, он надеялся, что Платон сейчас отвалит ему гору кредиток, и странная парочка сможет играть сегодня до утра. Пластина вновь очутилась в руках Атлантиды. Несомненно, немертейское золото и несомненно – какой-то другой раскоп. Не главная гробница. Но ведь в прочих ничего не нашли, кроме огромного количества глиняных сосудов, причем все – одинаковой формы, все черные, с очень сложным орнаментом. Причем орнаментом одним и тем же, идеально повторяющимся от кувшина к кувшину с точностью если не до микрон, то хотя бы до миллиметров. Или не там искали? Эта пластинка была куда тоньше тех восьми из главной гробницы... Да и узор другой. Безусловно – что-то новое. Или артефакт не с Немертеи? Уж больно странный узор. Сильно отличается от классического. Или все-таки Немертея?

– Триста кредитов, – уверенно заявил Платон. – Антиквары не дадут вам ни кредитом больше.

Он не обманывал. И эти двое тоже знали, что не обманывает. Ясно, что они побывали у антикваров прежде, чем отправиться в казино. И так, парочке черных археологов повезло – то ли эти двое задержались на Немертее из упрямства, то ли заскочили туда ненароком (второе более вероятно), наугад заложили взрывчатку, включили команду роботов-землесосов и... провалились в погребальную камеру, полную древнего золотишка. “Мечта любого чернушника”, – усмехнулся про себя профессор Рассольников.

– Хорошо, – сказал мужчина, – Пусть будет триста.

– Вам удобнее фишками? – спросил Атлантида. Женщина снисходительно усмехнулась, находя шутку неудачной, а мужчина и вовсе не заметил насмешки, произнеся торопливо:

– Конечно, фишками.

Платон протянул кредитку в стеклянное окошечко. Если бы можно было надеяться добыть из клерка за стеклом хоть крупицу информации, Атлантида непременно взял бы парня в оборот. Но Платон знал, что это бесполезно. Получив фишки, парочка тут же направилась в игорный зал. Разумеется, фишек им хватит минут на пятнадцать-двадцать, не более. Стоит подождать, не предложат ли они, проигравшись, еще какой-нибудь золотой артефакт? Хотя, скорее всего эта пластина последняя – уж больно они нервничали.

Платон заглянул в бар и заказал коктейль “Черная собака” – три части золотой текилы, кока-кола, лед и вишенка в бокале. Обожал он этот напиток из сердцевинки голубой агавы – “the agave tequilana weber azul” – одного из ста тридцати шести видов, агавы, произрастающих

когда-то в Мексике на Старой Земле. Многие по-прежнему, спустя тысячу лет, именуют агаву кактусом, хотя на самом деле агавы – родственник лилейных. Атлантида любил все эти данные выложить какому-нибудь невежде, оскорбительно именовавшему его любимый напиток “кактусовой водкой”.

В баре никого не было.

Стены из антрацитового стекла украшали бледно-серые голограммы. На антигравитационных подставках в воздухе плавали золотистые шары светильников. Обнаружив посетителя, шары тут же устремились к Платону. Он оттолкнул один назойливый светильник, потом второй... Наконец вся стайка, повинуясь встроенным чипам, сбилась в углу бара в причудливую гирлянду. Атлантида мысленно попытался реконструировать погребальную-камеру главной гробницы Немертеи. Неужели этим ребятам удалось набрести на аналогичное захоронение? Археолог поморщился – зависть к удачливым коллегам может отравить жизнь честолюбцу. А Платон был честолюбцем и никогда этого не скрывал. Однако вряд ли эти двое сумели обнаружить что-то существенное – это Рассольников чувствовал интуитивно: не похожи они на людей, сделавших грандиозное открытие. Но что-то они нашли. И может быть, что-то еще, кроме золотых пластинок.

Браслеты? Кольца? Золотые наконечники для ногтей? Коробочки из-под благовоний?

Нет, это все староземное. Или с планеты Кемет из солнечной системы Ре. А в немертейской гробнице могли оказаться только золотые нити, черная керамика. И в небольшом количестве – пластины. Атлантида взглянул на часы. Пятнадцать минут миновали. Наверняка уже триста кредитов проиграно – пора возвращаться к окошку и предлагать азартным археологам новую порцию фишек в обмен на их находки. Платон вышел в холл. Знакомой парочки не было. У окошка какой-то господин в пиджаке с накладными плечами сгребал в карманы с мраморной доски только что купленные фишки.

– Дорогой, а ты купил на мою долю? – спрашивала его плохо реставрированная красotka с очень маленькой гладко выбритой головой. Рассольников направился в игровой зал. Неужели ребятам повезло, и на “19” наконец выпал выигрыш? Но в зале их тоже не оказалось. Атлантида обошел столы, заглянул в бары – безрезультатно. Парочка исчезла. Неужели он упустил их? Но... Вот идиот! Как ему не пришло это в голову с самого начала?! Они поставили все сразу и проигрались тут же, за минуту. Да, они глупцы, но и он хорош...

Платон направился к окошку:

– Месье... эти двое – женщина с золочеными волосами и мужчина... – из-за стеклянной преграды на Платона смотрели два стеклянных шарика. – Я не спрашиваю – они выиграли или проиграли, но лишь – ушли или нет? – Глаза человека за прозрачной преградой еще больше остекленели, хотя казалось-это уже невозможно.

– Я прошу...

Клерк ничего не ответил. Просто коснулся ладонью стекла, и оно сделалось матовым, совершенно непрозрачным, а прорезь исчезла. Разумеется, из своего логова обладатель глаз-шариков прекрасно видел назойливого клиента.

Платон почувствовал неприятную вибрацию под ногами и благоразумно отошел. Поправил цветок “*mamillaria blossfeldiana*” в петлице. Чувство было такое, будто он только что поговорил с профессором Брусовским. Очень хотелось дать кому-нибудь по зубам.

3

Никто не знает, сколько в Галактике планет под названием Земля-дубль. Наверняка штук двадцать, не меньше. И каждая из них претендует на то, чтобы быть единственной и неповторимой Второй Землей, если нельзя быть Первородной, Старой прародиной.

Эта Земля-дубль, которую посетил Платон Атлантида, была из самых-самых претендентоспособных. Особенно, если судить по ценам на гостиницы, недвижимость и аренду транспорта. Платон должен был признать, что купить жилье ему здесь не по карману. Пока. Да, именно “пока”, потому что был уверен, что когда-нибудь станет очень богат.

– Вам сообщение! – произнес мелодичный женский голос, который при наличии фантазии можно было принять за живой. Почти живой. Порой это “почти” раздражало.

– Говори! – сквозь сон пробормотал Атлантида.

– Сообщение от Руфуса Пламмера, – продолжал ворковать комп. – Зашифровано.

– Расшифруй... – приказал археолог, зевая.

– Прошу повторить распоряжение. Голос не совпадает по параметрам.

– Расшифруй, дур-ра!

– Узнаю голос, – невозмутимо отвечал комп. “Вот если бы женщины были столь покладисты”, – невольно вздохнул Атлантида. – Итак, зачитываю сообщение: “Вчера днем поступила золотая статуэтка высотой пятнадцать сантиметров от неизвестного. Предположительно – немертейское золото”.

Атлантида очнулся от сладкой полудремы и сел на кровати. Солнце-дубль уже всюду светило в панорамное окно номера.

– Вес находки?

– Сожалею, но в сообщении не содержится такой информации.

М-да, судя по всему, этим ребятам крупно повезло – даже в главной гробнице не нашлось ни одной заваливающей статуэтки. Ну а в храмах... Кстати, были ли храмы на Немертее? Или – нет? Кажется, были. Статуи из камня точно нашли. А вот статуэток из золота или серебра не было. А что, если все сведения по Немертее – вранье? Кто-то ловко прибрал к рукам богатую планету, пустил ложный слух о бедных россыпях, отправил по домам всех искателей приключений, а сейчас ловко гребет золотишко лопатой или, вернее, землесосным роботом и переплавляет в безликие слитки. А эти двое каким-то образом увели у таинственного удачника из-под носа маленькую толику добычи. В рассуждениях Платона много домысленного, но домыслы в космической археологии вполне оправданы. А вот парочку он вчера упустил глупо. Глупо и...

– Пошли сообщение Руфусу: “Буду сегодня” – и зашифруй непременно.

– Команда “непременно” излишняя, – сделал замечание комп.

“Все-таки она баба”, – не без злорадства заметил Атлантида. Однодневка. Как мотылек. Может, потому и такая капризная?

Покинув номер, Платон полностью уничтожит ее память, и ни один черный хакер не сможет восстановить то, что желал утаить черный археолог. Таковы правила. И он был уверен, что гостиничные компы об этом знают. Не могут не знать, коли находятся в сети.

4

Через полчаса в своем неизменном белом костюме и в белой шляпе с вентилятором Атлантида вышел из отеля. В петлице лиловел бахромчатый цветок “*gnamillaria blossfeldiana*”. Вентилятор в шляпе тут же стал барахлить, то рычал, как молодой пурпурный бычок с Ройка, то, вместо охлаждения, обдавал голову плевком горячего воздуха. И не мудрено – барахло это клепают на Гее-квадриус, и Атлантиду угораздило там в свое время приобрести двадцать пять таких шляп. Эта была предпоследняя, двадцать четвертая. К тому же довольно громкое хрипение вентилятора портило аристократический имидж, который так старательно создавал профессор космической археологии Платон Рассольников. В мире, где у человека зачастую нет не только родного дома, но даже родной планеты, имидж значил куда больше, чем просто хорошее впечатление. Имидж становился крепостной стеной или хотя бы слабым прикрытием. Безупречная белизна костюма, тоненькая тросточка, шляпа – это некий крошечный мир, кото-

рый перемещается с человеком с планеты на планету, и под любым солнцем – первым, вторым или сотым – добавляет значения слабому телу и честолюбивой душе. Когда-то в детстве Атлантида увидел на экране компа рекламу недвижимости на Старой Земле – джентльмен в белом костюме, в белой шляпе, с тросточкой в руке и с цветком в петлице. Он рекламировал домик на берегу моря, небрежно опершись на корпус бледно-синего глайдера. И этот рекламный образ со временем стал символом для Платона – символом его стремления поселиться когда-нибудь на Родине Человечества. Какой цветок вставил в петлицу тот рекламный джентльмен – Атлантида уже не помнил. Но для себя он выбрал цветок кактуса, и этот выбор был так же символичен, как выбор костюма и тросточки. Земля-дубль застраивалась в то время, когда антигравитация сделалась делом обыденным. Повсюду над улицами были развешаны ярусами антигравитационные переходы, над домами летали такси-антигравы, и капсулы лифтов сновали вверх и вниз по причудливым обводам небоскребов. Все это создавало иллюзию легкости и вечного парения. А также неустойчивости, пусть не пугающей, но все равно несколько тревожной. Года два или три назад какой-то шутник устроил сбой в работе управляющих антигравитационными устройствами чипов. Сколько было тогда катастроф! Сколько тел испуганно прикикло к Земле, пусть не подлинной а дублированной, но Земле, словно умоляя о защите. Защите, которая была уже не нужна. Но прошло несколько часов, и лифты вновь заскользили по направляющим рельсам, и снова понеслись над домами такси-антигравы. Садясь в такси, Платон вспомнил эту историю, и ему стало не по себе.

Лавка Руфуса располагалась не в самом фешенебельном районе и не на самом бойком месте. Вообще говоря, непосредственно в лавку Атлантида почти никогда не заглядывал, предпочитая просматривать виртуальные каталоги. Что-нибудь особенно замечательное редко можно обнаружить прямо на полках. Но Руфус был полезен: во-первых, через него без труда удавалось сбыть парочку сомнительных экспонатов (именно парочку – Руфус всегда рисковал по маленькой), а, во-вторых, антиквар – поставщик новостей черного археологического мира. Едва в его лавку попадала какая-нибудь интересная вещица, он тут же сообщал о ней Атлантиде, где бы тот ни был – на Земле-дубль, на Галлии-7 или в центре Галактики. Вся беда в том, что Руфус толком не мог отличить подлинный артефакт от фальшивки, и его лавка была набита подделками и дешевыми безделушками. Странно, что такой человек мог держать лавку на Земле-дубль и не разориться. Странно, как он вообще попал на Землю-дубль. Сейчас Атлантида был уверен (или почти уверен), что Руфус предъявит ему какую-нибудь грубо сработанную статуэтку и к тому же – не золотую. И весь вопрос заключался в том, кто решил подделывать немертейские статуэтки, если известно, что ни одной золотой скульптуры на Немертее не нашли? Кстати, а почему старина Руфус определил золото как немертейское? Но чем больше нелепостей громоздилось одна на другую, тем более лакомая добыча маячила вдалеке (далеко это определялось в 173 000 световых лет, не такая мелочь даже для современной межзвездной техники). Компьютер в лавке Руфуса услужливо раздвинул стеклянные двери и произнес низким мужским голосом: “Добро пожаловать в мир старины, когда двери открывали сами люди”. После чего перед Атлантидой развернулась подвижная дорожка, ведущая наверх, в кабинет хозяина. Дорожка эта была популярна в Галактике лет триста назад. Но какой-то ушлый гробокопатель всучил ее Руфусу как находку с далекой планеты – то ли с Антея-3, то ли с Пелора, утверждая, что чудесная самодвижущаяся Дорожка перемещала людей с планеты прямо к богам и украшала старинные храмы. “Кидала” назвал сей артефакт “Лестницей богов” и клялся, что расстанется с чудесной находкой с болью в сердце и со слезами на глазах. Руфус так обрадовался, что выложил за “археологическое чудо” пятьсот кредитов. А Платон так хохотал, что не мог устоять на ногах, и упал на эту самую дорожку, которая благополучно сжевала своими стальными челюстями полу его новенького белого пиджака. С тех пор Платон стал относиться к сообщениям Руфуса с осторожностью. Но все же, почему золото немертейское? Не настолько же антиквар осел? Или настолько? Или только уши у него ослиные, как

у царя Мидаса? Однако при всей своей ослиности Руфус умудрялся превращать свои сомнительные приобретения в золото, или, вернее, в солидные счета в банках. Атлантида встал на бегущую дорожку, и та медленно повлекла его наверх. Вспомнив про испорченный пиджак, Платон не удержался и пнул “археологическое чудо”. Пнул несильно, но добавил несколько сильных выражений. – Этот элемент дома не оцувствлен, – сообщил все тот же низкий голос компа. Платон терпеть не мог эти домашние компы последних моделей. Их интеллект примитивен, на каждый второй вопрос они не могут ответить, зато постоянно лезут с советами и комментируют происходящее, не давая шагу ступить без своих поучений. Иногда археолог мечтал о старинном доме без искусственного разума сомнительных достоинств.

Кабинет Руфуса напоминал сферу, изготовленную из матового стекла. Разумеется, всего лишь визуальный эффект, но довольно правдоподобный. Забавно наблюдать за человеком, который ступает на наклонный пол, а нога его при этом проходит вглубь и касается совершенно ровной поверхности. Человек непременно отпрянет или споткнется и будет двигаться, как по холодной воде, – осторожно трогая ногой поверхность и уж потом робко ступая. Атлантида довольно быстро привыкал к подобным обманкам, гораздо быстрее, нежели сам хозяин, который нет-нет да и умудрялся споткнуться обо что-то невидимое под голубой поверхностью псевдопола.

– Едва дождался! – закричал Руфус. Голос у него в отличие от голоса домового компа был высок и пронзителен. – Сюда! Сюда! – замахал он руками, будто зазывал археолога в скальную гробницу.

Антиквар повернулся к столу и молитвенно сложил пухлые ладошки: перед ним в защитном голубоватом коконе стояла статуэтка высотой сантиметров пятнадцати. Вернее, пятнадцати с половиной, подойдя ближе, определил Атлантида. Судя по оттенку, золото было самой высокой пробы. Скульптурка изображала коша низкорослое, чем-то похожее на крошечную лошадку с очень короткими ножками животное с Немертеи. Помнится, один чудак вез целую дюжину кошей на космическом челноке, хотел показывать зверят то ли в цирке, то ли в зоопарке – коши вообще довольно понятливые и незлобивые существа. По дороге коши закуклились, а каков период пребывания в куколке – никто не знал. Горе-дрессировщик продал всю дюжину в ресторан на космической базе. После чего базу закрыли на долгий карантин. О том, что стало с обедавшими в том ресторане, рассказывали анекдоты месяца два по всей Галактике, а карантинная служба зверствовала на пересадочных базах, особенно в пищеблоках. К счастью, Платон не обедал в том ресторане... И так, стало ясно, почему Руфус принял золотую статуэтку за немертейскую: коши водятся только на этой планете. Вряд ли кому-то придет в голову делать их изображения из золота на Пелоре или на Галлии-7. Галлия-7... Помнится, на той планете было весело.

– Можно взглянуть? – спросил Атлантида.

– О да, конечно, конечно! – Торговец убрал защитное поле.

Профессор Рассольников положил на стол тросточку и взял в руки статуэтку. Работа довольно тонкая, но формы носят явные следы архаики. Если он точно помнит классификацию немертейской культуры, золотой кош принадлежит скорее всего к началу эпохи Третьего царства. Или даже к концу Второго. Шерсть животного была намечена мелкими черточками. Штрихи шли неровно, с заметными пропусками, так, как будто шерсть у коша росла кустиками. Возможно, это и соответствует истине, а может, и нет. Или это какие-то надписи? Ведь письменности на Немертее так и не обнаружили, хотя археологи и астроисторики делали осторожные предположения, что цивилизация планеты была довольно древняя. Но кто может утверждать, что сложные орнаменты на дверях главной гробницы, – именно письменность? Ведь они до сих пор не расшифрованы.

– Ну, как, не зря ее купил? – радостно спросил Руфус.

– Да, несомненно, это более ценное приобретение, чем твоя “Лестница богов”. Кстати, можно поинтересоваться, как ты получил статуэтку? – Разумеется, нет, – засмеялся антиквар.

– Я бы мог купить коша, – небрежно добавил Атлантида. – Сколько?

– Десять тысяч, – скромно потупившись, сказал Руфус.

Платон прочистил горло.

– Сколько? – повторил голосом судьи, выносящего смертный приговор.

– Десять тысяч, – безмятежно отвечал Руфус.

Его кругленькая рожица расплылась в улыбке. Учтывая, что склонный к экстравагантным поступкам хозяин лавки вырастил у себя во рту шестьдесят четыре зуба, обаяние его улыбки удваивалось.

– Ну хорошо, – согласился Атлантида. – Три. Учтывая, что ты мне должен тысячу за тех поддельных идолов с Пелора.

– Десять, – тут же последовал ответ. – А идолов ты купил по собственной инициативе.

Платон поправил несравненный “mamillariablos-sfeldiana” в петлице.

– Четыре. Идолов я тебе никогда не забуду.

– Десять... А с идолами ты сам ошибся, профессор. – Антиквар гнусно хихикнул.

– Смотрю ты, Руфус, обороняешься упорнее троянцев.

– Так ведь Немертея! – с придыханием произнес лавочник, как будто это слово что-то для него значило.

– Ладно, у меня нет десяти лет, чтобы осаждать твой Илион. Я заплачу десять тысяч.

– Десять тысяч за троянского коня, – сострил Руфус.

– Все-таки ты осел, – Атлантида решил, что, заплатив десять тысяч, он может быть вполне откровенен. – Троянский конь – это тот, которого запихали в Трюю, а не наоборот.

5

Из антикварной лавки Атлантида вышел в несколько взвинченном состоянии.

Не столько на него подействовала потеря десяти тысяч, сколько появление в сомнительной лавке Руфуса золотой статуэтки, в подлинности которой Платон почти не сомневался. Это тебе не идолы Пелора. Вместо того чтобы вернуться в гостиницу и там с толком рассмотреть дорогое (в самом прямом смысле) приобретение, археолог решил подняться наверх, на крышу здания, где имелся, как помнилось, неплохой ресторан и, главное, вполне приличный компьютерный зал. Здесь Атлантида рассчитывал скачать необходимую информацию по Немертее. Плохо, конечно, не иметь личного дома и личного компа... Но это временное. Когда-нибудь он обоснуется на Старой Земле, а не на этой, почти подлинной, но все равно не настоящей. Пока прозрачная кабинка антигравитационного лифта тащилась наверх, Платон рассеянно скользил взглядом по плывущим мимо разноцветным окошечкам, похожим на окошки убогих квартирков, где прежде обитали бедняки. Но ныне бедняков на Земле не осталось. Даже на этой. Земле-дубль. А эти окошки – выставленные за деньги на всеобщее обозрение личные сайты живущих где-то за сотни световых лет отсюда мечтателей, не знающих, что стоит дорого, а что не стоит ничего. Они демонстрируют с наивной небрежностью себя и свои скромные достижения, надеясь поразить дубль-землян, кто крутящимся разноцветным волчком – якобы новым совершенно неотразимым оружием, кто – полетом белых, похожих на снежинки бабочек, – новыми моделями индивидуальных компов... Кто обратит на этот волчок внимание, поднимаясь в лифте на тридцатый этаж, чтобы отведать настоящее жаркое? И как может белая бабочка помешать пассажиру прозрачной капсулы размышлять о связи золотой пластинки, купленной вчера в казино, и сегодняшнего коша, приобретение которого, пусть и в шутку, Атлантида сравнил с взятием Илиона? Итак, что же происходит там, на Немертее? Действительно кому-то очень повезло? Или тайные раскопки гробокопателей увенчались успехом?

Вчерашняя парочка явно не походила на счастливых. Если у них и было золото, то отнюдь не много. Коша они (если это, конечно, были они) продали по дешевке – достаточно взглянуть на скромно потупленные глаза Руфуса, чтобы это понять.

Платон поднялся в ресторан и заказал “Черную собаку”. Потом долго изучал меню, словно опасался, что ему могут подать здесь жареного коша. Но если кош здесь и был, то только золотой, лежащий у него в кармане. Наконец Атлантида заказал жаркое со спаржей и трюфелями, после чего начал разговор с компьютером о Немертее. Он не стал городить супербарьеры защиты, прежде всего потому, что в общественном месте это дело безнадежное. К тому же он хотел получить официальную информацию, предоставленную МГАО. Интересно, что будет готово раньше – жаркое или затребованная информация? И что обойдется дороже?.. Жаркое принесли раньше, но и стоило оно дороже.

6

Полученная информация ничего не прояснила, но лишь добавила загадок. Слишком много неясного слишком мало информации – Атлантида не любил такие задачки. Они напоминают пол антигравитационного лифта, сквозь который ты видишь далекую землю, но изображение искажено настолько, что лучше не смотреть... И потом эта вибрация... Платон очнулся от своих мыслей и внимательно глянул на пол. Лифт в самом деле трясло – не только пол, но и вся прозрачная капсула билась как в лихорадке.

“Аварийная ситуация”, – мило сообщил комп на сервисном браслете. Атлантида это видел и сам, без подсказки искусственного интеллекта. А вот почему молчит компьютер лифта... Прозрачная капсула подозрительно ускорялась, а на пульте управления по-прежнему любезно мигала зеленая лампочка. Рассольников нажал кнопку экстренной остановки. Безрезультатно!

Ускорение лифта приближалось к ускорению свободного падения. И это “антиграв – надежность двести процентов” – припомнил Платон слова рекламы. Недаром он всегда их одинаково не любил – то есть и рекламу, и антигравитационные лифты. Атлантида поспешно выдернул из трости верхний сегмент, укрепленным внутри лезвием сковырнул щиток управления и насадил на разъем свой миникомп вместе с сервисным браслетом. – Остановка механизма в безопасном режиме! – скомандовал он похожему на большого жука умнику.

Тот пискнул, понятливо заурчал, и лифт стал замедляться. Платона вдавило в пол, желудок выскочил в горло и придавил язык к нёбу. Потом давление ослабло, совершенно не эстетично заскрежетали включившиеся наконец аварийные механические тормоза, и лифт не особенно плавно, зато медленно продолжил свое движение.

– Спуск в Дит не удался, – пробормотал Атлантида и промокнул платком лоб. – А кто-то клялся, что антигравитационные системы практически не выходят из строя.

А ведь он утром еще вспоминал о той аварии... Случайность? Теперь Платону стало понастоящему нехорошо.

Створки лифта раскрылись.

Служитель в сине-белой форме, цветом лица схожий с “*mamillaria blossfeldiana*”, слегка заикаясь, пробормотал:

– Со счастливым спуском...

– Благодарю...

Чтобы выйти из лифта, Платону пришлось опереться на незаменимую тросточку. Пред глазами у него все плыло. Атлантида перевел взгляд со швейцара на стоящую в стороне парочку, затем на пожилую даму в кружевной кофточке. Каждый ему казался убийцей. Археолог уже поднес к губам руку с сервисным браслетом, собираясь шепнуть: “Полиция”. Но передумал. Может быть, потому, что в кармане у него лежал золотой кош.

"Меня хотели убить, – сказал он сам себе. – Как это банально. Терпеть не могу банальности".

Но из-за чего? Неужели из-за статуэтки стоимостью в десять тысяч кредитов? Быть такого не может. На Земле-дубль из-за таких сумм не совершают преступлений.

Тогда из-за чего?

На обратном пути в гостиницу Платон не отважился сесть в антигравитационное такси. Вдруг оно обрушится вниз, как лифт несколько минут назад. Атлантида потащился пешком. Впрочем, пешие прогулки для археолога – вещь не такая редкая. Только пейзаж другой, синеву неба не загораживают небоскребы. Рассольников поднял голову... Прямо на него несся сверху эллипсоид такси-антиграва. И судя по черному обгорелому днищу, антигравитационная подушка выключилась и не желала включаться. Платон не стал раздумывать, в чем дело, – метнулся вперед, перекувырнулся через голову и влетел рыбкой в распахнутую дверь какого-то магазинчика. Небьющиеся оконные стекла запели на разные голоса под градом осколков, защитная мембрана входной двери выгнулась буквой "С" – в нее въехал нос развалившегося корпуса антиграва. Фонтан желтого огня вырвался из оторвавшейся хвостовой части машины, и сразу же стекла и мембрана двери сделались дымчатыми.

Хозяйка магазинчика смотрела на горящие обломки такси и беззвучно шевелила губами. Профессор сидел, привалившись спиной к стойке, и не торопился вставать.

– Вы случайно не торгуете антиквариатом? – зачем-то спросил Платон.

– Не-е-ет... – едва слышно выдохнула женщина.

7

Атлантида принимал ионно-гравитационно-контрастный душ и как раз подставлял тело под холодные струи воды – то есть подходил к последнему этапу процедуры, когда приятный голос компа изрек:

– Новое сообщение. Поступило от господина Монтеня.

– Да, лучше бы здесь была живая женщина, – пробормотал Платон, подставляя лицо под холодные струи.

– Приказ не понят. Я должна расшифровать сообщение или нет?

– Расшифруй, дурочка, – в этот раз он был настроен миролюбиво.

– "Имеется золотой узкогорлый кувшин. Узор частично совпадает с узором немертейской керамики. Возраст около четырех тысяч лет". Монтень, в отличие от Руфуса, был осторожен, фальшивок не приобретал. Если он говорил – четыре тысячи лет, значит, так оно и есть. А Третье Царство Немертеи существовало как раз в этот период. А еще... Да, да, еще магазин антиквариата господина Монтеня находился в том же квартале, что и "Индепенденс". Разумеется, Платон поступает неосмотрительно, покупая еще одну золотую вещицу. Если из-за двух первых его пытались убить, то что сделают из-за третьей?

И тут ему пришла в голову безумная мысль... Или, напротив, разумная? Что, если отправиться на Немертею и... Археолог еще не понял, что собирается там искать. Но чутье подсказывало – ищи. И совершенно не нужно ставить в известность о его планах Оксфордский Галактический Университет или МГАО. Очень кстати, что Передвижной Университет Ройка прислал Атлантиде приглашение... – Каков будет ответ? – поинтересовался комп.

– Покупать!

– Вы не собираетесь проводить экспертизу? – Если бы голосок гостиничного компьютера мог выражать удивление, в данном случае он бы его непременно выразил.

– Покупать! – повторил Атлантида приказ.

– У вас недостаточно информации. Монтень требует двенадцать тысяч за артефакт. Цена неумеренная.

- Это вполне философская цена. Покупаю.
- Зашифровать ответ?
- Да!

Атлантида вышел из душа. Мягкое покрытие пола имитировало старинный ковер. Настоящий ковер – это что-то очень древнее. Говорят, они сохранились только на Старой Земле. Платон уселся в кресло, налил в стакан текилы, разрезал лимон, насыпал соль на сгиб руки. Но пить не стал. Задумался... Итак, что мы имеем? Золото и тайну погибшей цивилизации. Разве этого мало, чтобы отправиться на дальнюю планету? Хватит работать на сумасшедших заказчиков – пора начать делать что-нибудь исключительно для собственного удовольствия. И для пополнения своего счета в банке “Лионский межпланетный кредит”.

Да, несомненно, пора.

В КОСМОСЕ. земля – МАЛОЕ МАГЕЛЛАНОВО ОБЛАКО

1

В полете времени было достаточно. И пока оно тянулось застрявшей меж зубами жвачкой, можно немного поразмышлять о загадках цивилизаций гуманоидного и негуманоидного типа и о закономерностях их гибели. А цивилизации имеют такую особенность – погибать, едва достигнув расцвета. Так и люди – умирают, сделав что-нибудь хорошее или не сделав ничего. А потом прибегают другие неудачники, которые воображают, что будут жить вечно, и претендуют на наследство. “Черные археологи” – это наследники-самозванцы. Но чем они хуже законных?

На звездолетах класса “Кир-2” Атлантиде еще Летать не доводилось. Звездолет этот был новинкой, правда, из тех новинок, которые долго пытаются пробиться на рынок и прижиться на звездных путях, но все никак не могут стать популярными. Хотя на рекламу, разработки, модернизацию и вновь на рекламу потрачена уйма денег.

“Кир-2” был слишком огромен; чтобы включить модернизаторы пространства, требовалось отползти как минимум за орбиту Марса-2 и еще на нное количество километров. А это время, время и время. Об этом бесцельно потраченном времени все рекламные проспекты “Кира-2” скромно умалчивали. Передвижной Университет Ройка решил почему-то заказать профессору Рассольникову билет именно на “Кир-2”. То ли им хотелось поразить профессора с Земли-дубль своей щедростью, то ли они невнимательно читали проспект. Впрочем, у звездолета имелись и достоинства – служба безопасности высокого класса. Учитывая две недавние попытки лишить его жизни, это не могло не нравиться профессору Рассольникову. С тех пор как Платон отбыл с Земли-дубль, никто больше на него не покушался, за ним даже не следили. В последнем он был уверен. Интуиция... Платону было чем заняться – материалов по истории Немертеи оказалось куда больше, чем ожидалось. Их было даже слишком много. Но все они напоминали бесчисленные и похожие друг на друга черепки, которые так любят попадаться под лопаты как начинающим, так и знаменитым археологам. Начинающие отбрасывают их с пренебрежением, старики приходят в восторг, сортируют, сравнивают и на основании своих классификаций строят новые пирамиды выкладок и теорий космической археологии. Черепки на Немертее были практически одинаковыми черная глиняная посуда с повторяющимся геометрическим узором, который никогда не менялся, вновь и вновь повторяя древние образцы. В течение более чем восьми тысяч лет немертейцы использовали одну и ту же керамику. “Какое неукоснительное следование традиции!” – воскликнут одни. “Какой унижительный застой”, – скажут другие. В каких бы уровнях ни проводили раскопки, к какой бы эпохе они ни относились – находки поражали однообразием – черные сосуды с одинаковым узором. Но в отличие от земных классических раскопок керамики этой оказалось чрезвычайно много. Настолько много, что ее складывали грудями. Однако рано делать какие-либо оценки и выдавать решения. Надо рассмотреть материал и тогда...

Итак, посмотрим, что может сообщить о Немертее МГАО. “Немертея, четвертая планета в системе Ба-а. Звезда класса “F”, одна из полутора миллиардов звезд Малого Магелланова облака. Планета с атмосферой, идентичной земной. К моменту открытия во время Второй Конкисты разумные обитатели планеты не обнаружены. Разнообразная флора и фауна. Преобладают мелкие виды животных, есть несколько отрядов хищников. Тяготение 1,2567 земного. Карантинная служба дала разрешение на колонизацию. Служба безопасности Лиги

Миров запретила колонизацию. Для посещения Немертеи необходимо специальное разрешение или межпланетная лицензия МГАО”. Такая лицензия у Платона была. Но запрет службы безопасности ему не нравился.

“Цивилизация Немертеи насчитывает около 9 тысяч лет.

Периодизация (составлена по стандартной схеме Космической археологии):

До 9000 г. до Второй Конкисты. – додинастический, или доисторический период.

9000-7400 гг. до В.К. – период Первого царства, или период раннего развития.

7400-6000 гг. до В.К. – период Второго царства, первый расцвет Немертейской цивилизации.

6000-2000 гг. до В.К. – период Третьего царства, расцвет Немертейской цивилизации, создание Храма, Столицы, Дворца, главных гробниц. 2000-200 гг. до В. К. – период Четвертого царства. Упадок и гибель цивилизации Немертеи”.

Не густо. Периодизация явно искусственная – особенно если судить по обилию нулей. Более других сомнителен период Третьего царства. Четыре тысячи лет одна и та же культура, одна и та же формация? Бред. Ну а двухсотый год как последняя Дата существования вписан лишь для того, чтобы поставить какую-то точку в истории исчезнувшей Цивилизации.

Только неисправимый фантазер или человек, обладающий сверхинтуицией, может надеяться найти на Немертее нечто особенное.

А если учесть, сколько Платон затратил средств на эту поездку новый научный компьютер с программой самостоятельного исследования внешних воздействий (зачем ему эта дорогущая программа, Атлантида представлял смутно), робот-землесос модели 2000 и универсальный робот F-5501, крошечный глайдер-автопилот, антигравитационная тележка и еще двадцать коробок всевозможного оборудования – то мечтать о прибыли мог только сумасшедший. И все же Платон надеялся, что траты сделаны не напрасно. Делая пометки в своем научном компьютере, Атлантида как бы со стороны любовался собой. Он – эрудированный, умный, обладающий несомненной интуицией, делает на борту летящего звездолета первые шаги к предстоящему открытию... Стоп! Не надо подобных заявлений. Будем самокритичны. Нет, нет, ум, эрудиция, интуиция – все это присутствует. Но какое это имеет значение? Секретарь профессора Брускового, заглянув на сайт Оксфордского Галактического Университета или на сайт МГАО и обнаружив там статью Платона Рассольникова, не получившую благословение САМОГО Брускового, тут же сошлет ее в такие дебри, что только потомки лет через пятьсот, выгребая информационный мусор, обнаружат обрывки несчастной статьи, сулившей профессору Рассольникову и деньги, и славу.

Так что максимум, на что он может рассчитывать, – это признание какого-нибудь Передвижного Университета Ройка, которому от силы лет пятьдесят – ровно столько, сколько первым поселениям на этой планете. Археолог глубоко вздохнул и вернулся к документам по Немертее. Данные отчетов гласили: к моменту открытия Немертея была необитаема. На планете с практически земной атмосферой (впрочем, таких планет не так уж и мало) и со следами цивилизации отсутствовали живые разумные существа. Когда капитан Гэльми сел на Немертею на своем весьма потрепанном и требующем ремонта звездолете, планета предстала перед ним таким тихим провинциальным уголочком с зелеными лесами, непугаными животными и холмами, поросшими яркой травой. Все эти многочисленные холмы, как потом выяснилось, – погребенные под слоем почвы здания столицы, маленькие городки и деревни. Но Гэльми тогда еще ничего не знал о поселениях на Немертее. Не знал он и о том, что мясо кошей нельзя употреблять в пищу. А потом исчез помощник капитана. То есть пошел прогуляться до ближайшего ручья и пропал. Парня нашли лишь на третьи сутки в совершенно невменяемом состоянии, загрузили успокоительным и увезли с собой, благо корабль к тому времени починили и команда оправилась от первого приступа поноса, вызванного неумеренным потреблением мяса местных животных. Только на космической базе парень пришел в себя и, путаясь и заика-

ясь, рассказал, что нашел на берегу ручья прекрасную женщину. Она спала и была, как живая. Помощник встал перед ней на колени и стал молиться.

"Из чего она была сделана?" – поинтересовался капитан Гельми и на всякий случай справился у бортового компьютера – хватит ли топлива, чтобы вернуться на Немертею, а потом стартовать вновь. К сожалению, топлива не хватало.

"Девушка не сделана, – бормотал рехнувшийся помощник. – Она, как живая".

"Живая?"

"Нет, как живая".

Что он подразумевал под этим "как", ни Гельми, ни корабельный психолог (а по совместительству кок) так и не поняли. Решили, что помощник нашел искусно сделанную мраморную статую. Более от бедняги ничего добиться не удалось.

Корабль добрался до пересадочной станции, на Немертею срочно отправили разведывательную экспедицию. Никакой девушки в устье ручья разведчики не нашли – ни из мрамора, ни из гранита. А вот под небольшим слоем почвы в выбранном наудачу холме раскопали яму, полную черной глиняной посуды. И кусок стены, оплетенный золотыми нитями. И тут на Немертею кинулись любители древностей, а за ними искатели желтого металла. Две волны столкнулись, образовалось цунами...

К тому времени, как обладающие непомерным аппетитом золотоискатели прибыли на Немертею, археологи уже создали определенную картину развития цивилизации и не желали от нее отступать. Весь путь таинственно сгинувших немертейцев они разделили на четыре царства. Самым кратким был последний период. Самым долгим – Третий. Границами между царствами, как обычно в археологии, служили толстые слои пепла. Археологи ломали голову, отбивая у золотоискателей осколки древней культуры, но так и не пришли ни к какому выводу.

А затем профессор Брусковский, рассмотрев на Старой Земле голограммы найденных артефактов, объявил цивилизацию Немертеи посредственной и бездуховной, и ученые полным составом устремились на Ройк с его многослойными вертикальными гробницами, набитыми мумифицированными телами с бесчисленными золотыми украшениями, алебастровыми чашами, серебряной посудой, инкрустированной мебелью, статуэтками и раскрашенными скульптурами.

Представьте сотни и сотни гробниц Тутанхамона, поставленные одна на другую – не по стилю исполнения – по богатству захоронений, – и вы получите представление о вертикальных гробницах. Рядом с раскопками Ройка найденное на Немертее померкло. Платон дважды за последнее время посетил Ройк, но ему позволили побывать лишь на двух мало чем примечательных раскопах: все работы на планете велись под строгим оком Межгалактического Археологического Общества (МГАО). Но даже по тому, что Атлантиде удалось увидеть, можно было составить представление о богатой цивилизации Ройка. "Хотя и несколько статичной", – отметил про себя профессор Рассольников. Чего, кстати, не желали замечать государственные копатели, поскольку этого замечания не сделал профессор Брусковский. Итак, пока с достоверностью можно сказать одно: данных о Немертее очень мало, зато много простора для фантазии.

Атлантида проверил, заперта ли дверь, достал золотую статуэтку коша и сравнил с голографическим изображением коша из голубого мрамора, найденного в одном из раскопов. На мраморном коше шерсть тоже росла кустиками, но все же по-другому – более мелкими, с завитками.

Скульптура была выполнена великолепно: казалось, что зверь вопросительно смотрит на зрителя. На морде виднелись складки кожи, на губах – отдельные волоски, меж полуоткрытых губ – крупные зубы. В руках неизвестного мастера мрамор казался податливым теплым воском. Рядом с мраморным золотой кош выглядел примитивным и унылым существом.

В каюте раздался мелодичный звоночек. Наступило время обеда.

2

На кают-компанию “Кира-2” дизайнеры не пожалели места. Здесь можно было не только пообедать, но и потанцевать, особенно если учесть, что искусственная гравитация на звездолете поддерживалась идеально. Покрытый псевдопластиком пол отражал золотые шары бесчисленных светильников. Официанты в одинаковых белых куртках (не роботы, а живые люди, совершенно недопустимая роскошь в космосе) бесшумно скользили меж столиками с серебряными подносами, стилизованными под священные диски, найденные на Пелоре. В глубокой нише, затканной световой сеткой, сидел псевдолев с Гомера. Не настоящий псевдолев – голограмма. Почему планету, на которой не обнаружили ни разумной жизни, ни следов цивилизации, назвали Гомером, неизвестно.

Видимо, первооткрывателю хотелось блеснуть своим интеллектом.

Платон уселся за столик.

“Не надо было тащить с собой в экспедицию золотого коша да еще этот сосуд – достаточно было взять голограммы”, – подумал Атлантида. То есть чутье опытного археолога подсказывало ему, что на Немертее могут понадобиться именно сами артефакты. Но брать с собой золото на “Кир-2” было безумием. Как еще отнесется к экспонатам таможня? И есть ли на Немертее таможня?

– “Черную собаку” – бросил Атлантида проплывавшему мимо официанту.

Платон обвел взглядом столики. Почти все уже были заняты.

– Простите, могу ли я здесь присесть? – вежливо и слишком уж церемонно обратился к нему молодой человек в безупречном светло-сером костюме в тонкую красную полоску.

Лицо у незнакомца было белое с нежным румянцем. Атлантида милостиво кивнул. Электрогребешок выпрыгнул из кармана молодого человека, скользнул по гладким черным волосам и вновь нырнул в кармашек.

– Ал Вродсайт, – представился нежданный сотрапезник. – Консультант Передвижного Университета Ройка.

– Профессор археологии Платон Рассольников.

– Я читал все ваши статьи. Позвольте пожалть вашу руку. – Молодой человек поднялся и протянул руку Платону. Тот ответил рукопожатием, хотя подобная фамильярность давно вышла из моды, учитывая три пандемии во время Второй Конкисты.

– Вы – светило в космической археологии. Я так счастлив, что встретил вас на “Кире”. Особенно меня поразила ваша последняя работа о подобии развития галактических цивилизаций. А куда вы летите, можно узнать?

– На Ройк. У меня приглашение прочесть несколько лекций о связи цивилизаций LMC, SMC и MMC. – Профессор поправил цветок “mamillaria blossfeldiana” в петлице.

– О, новые изыскания? Потрясающе! Какая жалость, что я пропустил ваши последние публикации... Так вы считаете, что все цивилизации Магеллановых облаков связаны?

– Подобие цивилизаций, как и повсюду. Какая иная связь может быть между культурой сукки и вертикальными гробницами Ройка? – Сам Атлантида знал, какова связь, но не стал уточнять в разговоре с юным консультантом.

– Вы очень остроумны, – Бродсайт рассмеялся и захлопал в ладоши. – Bravo! И каков же план ваших лекций?

Манера поведения сотрапезника раздражала.

– Позвольте его пока не разглашать.

– Ну конечно! Разве я могу претендовать на откровенность с вашей стороны?! Ведь я ничем-ничем ее не заслужил. – Электрогребешок вновь вылетел из кармана и вновь пригладил

волосы Бродсайта. – А что вы думаете о существовании общих причин гибели гуманоидных цивилизаций Галактики?

– У вас есть теория на этот счет? – Атлантида не сомневался, что теория у юнца есть.

– Да, я кое-что написал и даже выслал статью профессору Брусковскому. Консультант профессора их одобрил. Но лучше бы я выслал свою работу вам. Я там обобщил данные по вертикальным гробницам. А что вы думаете о цивилизации Ройка?

– Я не специалист в этой области.

– Как жаль. Но знаю, вы бы оценили мой стиль... У меня хороший стиль. Конечно, я не могу сравниться с вами, но все же претендую на внимание с вашей стороны.

"Треснуть бы его тросточкой по башке" – кровожадно подумал Атлантида. Бродсайт с каждой минутой злил его все больше. Треснуть очень хотелось-просто руки чесались.

– Моя статья идеально ложится на вашу теорию подобия и на теорию профессора Брусковского о Вселенской цивилизации. Такое соседство профессору Рассольникову не нравилось.

– Что может быть общего у меня и у профессора Брусковского? – заносчиво спросил Платон, теряя терпение.

– Все можно объединить, если очень постараться... И разъединить тоже. – Бродсайт поднялся из-за столика. – Было приятно с вами познакомиться. Роста он был отнюдь не высокого. Скорее даже низенького. Причем за счет коротковатых ног. Почему он не сделал биокоррекцию? Не хватило кредитов? Не похоже. Захотел сохранить свою индивидуальность. Такое бывает. Сам Платон тоже не стал переделывать свой плебейский нос на прямой или римский. "Надеюсь, мы с консультантом больше не встретимся", – подумал археолог.

3

Вернувшись к себе в каюту, Атлантида внимательно осмотрел вещи. Если судить по показаниям датчиков и сообщениям компьютера, в каюту никто не заходил. И все же... Что-то настораживало Платона. На Твсякий случай он проверил заказ на фрахтовку челнока и запросил сайт Передвижного Университета Ройка по тахионной связи. После небольшого сбоя пришел ответ. В списках университета в самом деле числился консультант Ал Бродсайт. М-да... Лучше бы это имя не значилось в списке. Платон уже хотел запросить перечень работ Бродсайта, но в этот момент кто-то постучал в дверь. Какой старинный способ сообщить о себе – как будто у каюты нет переговорного устройства! Атлантида включил прозрачность двери. Через полминуты он отчетливо увидел, что в коридоре стоит Ал Бродсайт и стирает платком кровь с рассеченной губы. Один глаз у него стремительно заплывал, посредине лба вспухла пока еще бесцветная шишка. Платон удивился, но приказал двери открыться.

– Что я вам такого сделал! – воскликнул Бродсайт, не переступая, однако, порога. – Я же к вам со всей душой, а вы!.. – голос его дрожал от нестерпимой обиды и боли.

Рассольников также не пожелал выйти навстречу консультанту и задержался возле стоящего в центре каюты стола.

– Что – сделал? – не понял Платон и вновь неожиданно почувствовал приступ раздражения – как полчаса назад в столовой. – Зачем вы устроили на меня засаду? Я ваш давний поклонник – и вдруг такое. Возможно, я недостаточно лестно отозвался о ваших статьях... – Нет, нет, куда как лестно... – ирония была неуместна, но профессор Рассольников почему-то не мог говорить серьезно. – Я прекрасно понимаю, что моих знаний не хватит оценить всю глубину ваших теорий. Но все же не надо натравливать на меня ваших сторонников.

Атлантида недоуменно пожал плечами и уселся в кресло.

– Честно говоря, все время после обеда я провел в каюте.

– Да? А это тогда что? – Бродсайт помахал в воздухе окровавленным платком.

Потом демонстративно потрогал челюсть.

– У меня зуб шатается, причем из только что выращенных. Нет, нет, я не собираюсь вам мстить, напротив, я по-прежнему восхищаюсь вашим талантом. Но зачем же так жестоко?!.. – Бродсайт заплакал.

– Послушайте, Ал!..

– Так жестоко... – повторил несчастный консультант и, сокрушенно качая головой, побрел по коридору.

– Обратитесь к капитану! – крикнул ему вслед Атлантида. – Если на вас напали... Бродсайт обернулся.

– Нет, нет, только не капитан! – Он передернул плечами. – Как я могу бросить тень на имя профессора Рассольникова!

– Да кто же, в конце концов, на вас напал?! – Платону и самому стало любопытно. Он поднялся и шагнул к двери.

Бродсайт бегом вернулся.

– Вы! Вы лично! У вас и кровь моя на костюме. Вон, на лацкане. Конечно, я готов от вас все стерпеть, даже побои. Но только скажите, в чем я провинился?

Атлантида невольно скосил взгляд на лацкан пиджака. На безупречно белой ткани темнело бурое пятно. В самом деле похоже на кровь. Костюм стоимостью в пятьсот кредитов! Откуда на нем кровь? Археолог отступил и брезгливым жестом отвел руку Бродсайта, который азартно тыкал пальцем в бурое пятно. – Вы испортили мой костюм.

– Я?! Что вы! Ваш костюм для меня священен! Это вы ударили меня! Вы! Моя кровь! Но я промолчу... Я никому не скажу... Никогда... Клянусь...

Атлантида шагнул в каюту, и дверь автоматически захлопнулась. Мерзавец... его стоило в самом деле избить – хотя бы за испорченный костюм. Но ведь Платон его и пальцем не тронул. Тогда почему этот парень толкует про нападение?

Ерунда! За обедом, помнится, подавали соевый соус. Но Атлантида всегда ел аккуратно. Скорее всего, это Бродсайт размахивал вилкой так азартно, что оставил пятно на лацкане пиджака своего соседа. В таком случае очень хорошо, что ему набили морду.

Вероятно, шизофреник. Говорят, на некоторых планетах перестали делать новорожденным прививки от шизофрении, и теперь на звездных путях частенько попадают чокнутые. Или... Помнится, Атлантида хотел отхлестать этого типа тросточкой за обедом. Вдруг неизвестный благодетель исполнил его невысказанное желание? Нет, такого не может быть. Рассольников провел ладонью по лицу. Бред...

Но тогда откуда на лацкане кровь? И, похоже, Бродсайта кто-то приложил от души. Вот тебе и прекрасная служба безопасности!

4

И тут на “Кире-2” замигали синие и красные лампочки и очень неприятный голос, напоминающий голос учительницы математики, произнес:

"Просьба занять индивидуальные капсулы. Просьба занять индивидуальные капсулы. Через двенадцать минут произойдет включение модернизаторов пространства. Просьба занять индивидуальные капсулы. “Кир-2” готовится к гиперскачку. Повторяю, “Кир-2” готовится к гиперскачку. Через одиннадцать минут сорок секунд включатся преобразователи пространства. Просьба занять индивидуальные капсулы”.

Через одиннадцать минут сорок секунд “Кир-2” начнет пожирать парсеки быстрее, чем глайдер пожирает километры.

ПРИБЫТИЕ НА НЕМЕРТЕЮ

1

Королей Немертеи хоронили особым образом – пеленали и привязывали к столбам гробницы, словно покойники могли убежать. Запеленатые раскинутыми руками чем-то напоминали распятых. Возможно, они были еще живы, когда их оставляли в гробницах, а вход закрывали гранитной плитой.

Или так проводили жертвоприношения? Но какому богу нравились мучения распятых в темноте, оставленных подданными правителей? Вопрос праздный – никто из современных ученых не знал ответа. Есть только гипотезы. И еще эти пелены, хранящие спустя сотни лет формы исчезнувших тел. Тела истлели, а пелены сохранились почти невредимыми. А как хоронили простых смертных – тайна вдвойне, потому что от простых смертных не осталось ни гробниц, ни пелен, ни праха. Если не считать двух полуистлевших трупов, найденных полуистлевшими Второй экспедицией – той, что побывала на Немертее после капитана Гельми. Но по теории того же Брусковского это были останки потерпевших катастрофу астронавтов, прибывших на Немертею уже после заката ее цивилизации в самом начале Второй Конкисты, – уж больно покойные походили на людей – даже генетический код совпадал. Пожалуй, в этом вопросе Атлантида был склонен согласиться с профессором Брусковским – но только в данном вопросе.

2

На пересадочной базе Платон Рассольников заглянул в магазинчик. Только на дальних космических базах можно увидеть подобные шопы, так похожие на земные супермаркеты начала Третьего тысячелетия, – тележки, оборудованные мини-компьютерами, полки, уставленные банками с продуктами, пакетами с чистящими присадками и ароматизаторами воздуха. Выбор беден, качество – сомнительно. Но чего еще ждать от Пятой пересадочной базы Магелланова облака? Атлантида напрасно пытался найти здесь приличный белый костюм взамен испорченного Бродсайтом. Но ни одного на весь этот занюханый шоп. И – как обратил он внимание – ни одной бутылки текилы. К счастью, у археолога имелся в багаже ящик необходимой выпивки. К тому же никто не покупает спиртное на подобных базах: во-первых, дорого, во-вторых, наверняка подделка. Но костюм... Оставался один выход-приобрести три или четыре флакона пятновыводителя в надежде, что сервис-робот справится с пятном то ли крови, то ли соуса, которым испоганил дорогой костюм чокнутый консультант. Внезапно сервисный браслет писклявым голоском – опять подсели батарейки, купленные в последний момент в киоске звездного порта, – сообщил:

– Профессор, вас вызывает на связь Катрин.

Что за Катрин? Насколько помнил Атлантида, последние два месяца он не состоял в связи ни с одной женщиной по имени Катрин. Видимо, кто-то из старых знакомых... или коллега? Он подошел к стоящему в углу аппарату тахионной связи и набрал свой код.

"Связь отключена", – последовало сообщение.

Платон оглядел магазинчик, нервно поигрывая тросточкой. Нелепая шутка его встревожила. Уж не собирается ли неведомый преследователь вновь устроить очередное покушение. Но все вроде бы спокойно. Скорее всего, одна из здешних девиц, маясь от скуки, решила сыграть с ним дурацкую шутку. На дальней базе редко можно встретить человека в белом костюме

с тросточкой в руке. Он поневоле привлекает внимание, даже если не пускается в рассуждения возле кассового компа об Эдиповом комплексе и Зигмунде Фрейде. Одна из трех девиц, стоявших возле прозрачной капсулы управляющего модуля, постоянно хихикала и бросала на археолога лукавые взгляды.

– Девушки-красавицы, кого из вас зовут Катрин? – спросил Атлантида игриво.

Девушки переглянулись и захихикали.

– Меня кличут Люси, – сообщила рыженькая кокетка. – Но я не даю свой личный номер незнакомым мужчинам, даже если они очень импозантны.

– В следующий раз мы будем считаться старыми знакомыми, – парировал Платон. – Я к вам непременно загляну.

– А как вас звать? – Стрельнула глазками рыженькая кокетка.

– Атлантида.

– Вы с планеты Атлантида?

– Нет, я просто Атлантида.

– До встречи, “просто Атлантида” с планеты Атлантида! – Помахала ему ручкой рыженькая. Меж пальцами блеснули прозрачные розовые перепонки. Неужели амфибия с Тритона? Он никогда не слышал, чтобы на космических базах служили гуманоиды с Тритона. Но на окраинах все возможно... Запасшись чистяще-мочными средствами, Платон прошел в свой ангар. Погрузка зафрахтованного челнока была уже закончена. Какой-то парень в грязном комбинезоне и с музыкальным шлемом на голове вяло переругивался со складским компом. Компьютер летал на антигравитационном блюде по ангару и на классическом космолингве объяснял нерадивому человеку все его ошибки и просчеты.

– Да не знаю я, где этот ящик, – отбрехивался парень и постукивал кулаком по музшлему. – Н-не знаю. Испарился... Да, да... как же... санкции... штрафы...

– Что за ящик? – спросил археолог, предчувствуя недоброе. – Вон оттуда... вернее – туда... грузим... нету... исчез... – Любитель музыки небрежно махнул в сторону зафрахтованного Атлантидой челнока.

– Что содержалось в ящике? – обратился Платон к компьютеру, понимая, что от парня не добиться внятных объяснений.

– В ящике находилось двадцать бутылок текилы, застрахованные на пятьдесят кредитов.

– Как такое может быть?! Я запаковал багаж еще на Земле-дубль!

– Приношу свои извинения, – пищал комп, проецируя на экран бледное изображение какой-то красотки, по случаю скачанной с дешевого порносайта. Красотка принимала самые соблазнительные позы и попискивала следующее:

– Ячейка 757712 оказалась пуста. После окончания расследования этого дела, в случае если ящик не найдется, вам выплатят страховку. Оставьте номер своего компьютера. “Сейчас жди!” мысленно пообещал Атлантида изображавшей крайнее возбуждение девице на экране.

– Если ящик будет найден, вам немедленно его вышлют. Разумеется, вам придется доплатить за досылку и хранение, – девица принялась водить язычком по губам.

– О, черт! Я хочу получить пятьдесят кредитов сейчас!

– Это невозможно...

Изображение порнодивы внезапно исчезло, и появилась какая-то небритая физиономия, которая явно не помещалась в экран компа – одна щека оказалась срезанной, так же как и макушка. Однако вряд ли такие мелочи могли испортить общее впечатление.

– Принимаем ваше предложение, – сообщила физиономия. – Топай к банкомату, и тебя обслужат.

После чего комп поспешно уплыл и скрылся в одном из проходов между контейнерами. Странно, что небритый не погрозил “магнумом”¹ с экрана.

– Где банкомат? – Платон похлопал обладателя музшлема по плечу. Тот небрежно ткнул пальцем куда-то себе за спину. Банкомат был рядом, у самого выхода из ангаров – будто специально установленный. И по первому требованию любезно выплюнул карточку на пятьдесят кредитов. Итак, текила исчезла. Человек более суеверный усмотрел бы в этом дурной знак, человек более подозрительный – изуверское вредительство. Однако не досчитаться багажа – дело вполне обыденное в наш сумасшедший тридцатый век. И ничего мистического в исчезновении текилы не было. Среди работников космопортов и пересадочных станций немало всякой швали, их держать на работе выгоднее, чем покупать современных роботов. Поэтому не удивительно, что исчез именно ящик с текилой. Оставалось одно – стиснуть зубы и отправляться на Немертею совершенно трезвым.

3

Профессор Рассольников погрузился в довольно удобную, хотя и изрядно потрепанную, люльку челнока. Бортовой комп привычно отсчитывал время до старта. Платону всегда хотелось отключить автопилот и стартовать самому – нажимая нужные кнопки и задавая режимы работы двигателей. Он даже выучил, что красная кнопка справа – это кнопка аварийного катапультирования. Прямо по центру отключение автопилота. А третья зеленая в верхнем ряду – подача топлива. Ну и десятка два включали системы защиты. После приобретения столь ценных знаний Атлантида разумно отказался от мечты стать по совместительству астронавтом и решил по старинке довериться автопилоту.

Говорят, поле двигателя Краснова замедляет мыслительные процессы. Пока что Платон этого не замечал. Но ведь все дело в точке отсчета. Вдруг одну-единственную мысль он будет думать на протяжении нескольких дней или даже часов? Невозможно определить – человек в брюхе челнока являлся разновидностью багажа – не более.

Представился вдруг огромный бледно-лиловый цветок “*mamillaria blossfeldiana*”, он высовывал из песка толстые восковые лепестки, а Платон сидел в его середине абсолютно голый, только на груди у него непостижимым образом крепилась золотая пластина, приобретенная в казино. Цветок медленно плыл по песку. Вдали высилась ступенчатая пирамида. Но по мере того как Атлантида приближался к ней, пирамида не росла, а погружалась в песок. Мимо проскакал кош на своих коротких свинячьих ножках, повернул голову и сказал голосом Ала Бродсайта:

– Моя теория подтвердилась.

Археолог сейчас не был уверен даже в том, что дышит. Он попытался определить – дышит он или нет. Грудь не поднималась, но и вздохнуть не хотелось. Он сделал усилие... И воздух ворвался в легкие. И тогда он понял, что двигатель Краснова выключился. Челнок совершал положенный виток вокруг планеты и общался на своем машинном языке с кружащим над планетой Цербером. Военный спутник Лиги Миров проверял, есть ли лицензия МГАО у пассажира – непилотируемый Цербер любезно защищал бесхозную планетку от проникновения всяких нехороших личностей.

– Долго еще? – спросил Платон.

¹ Имеется в виду бластер системы “магнум”.

– Разрешение на посадку получено. При повторном посещении вас пропустят через двенадцать секунд, – обрадовал археолога бортовой комп.

Следующие несколько мгновений начисто выпали из памяти – вновь включился двигатель Краснова. Когда Платон пришел в себя, корабль уже входил в плотные слои атмосферы Немертеи, Атлантида покосился на красную кнопку. Детские фантазии! Жить ему пока что не надоело.

– Даю координаты посадки, – пищал голос компа.

"Надо будет получше припрятать артефакты", – запоздало решил археолог. Судя по тому, что он успел додумать столь мудрую мысль прежде, чем челнок содрогнулся всем корпусом, опустившись на поверхность планеты, мысли текли пусть и не особенно быстро, но и замедлились не слишком. Корабль еще раз сильно тряхнуло – посудина была не самой последней модели. Было слышно, как шипит воздух, стравливаемый из корпуса, ремни страховочной люльки расстегнулись сами собой. Атлантида пробрался по узкому неудобному проходу между блоков аппаратуры и вышел в коридор. Он все еще был в белом костюме, правда, изрядно помятом. Атлантида одернул пиджак, надел шляпу, повесил тросточку на сгиб руки и направился к выходу. Цепочка голубых ламп вела к белому прямоугольнику – крышка люка была открыта, по пандусу ползал робот-погрузчик, выволакивая серые одинаковые коробки наружу.

– Произвожу выгрузку оборудования согласно программе, – сообщил робот, когда его датчики засекли человека. – Добро пожаловать на Немертею.

Притяжение на планете было больше земного, и археолог ощутил неприятную тяжесть во всем теле – будто он за время полета растолстел килограммов на двадцать. Платон, стараясь держаться как можно непринужденнее, вышел. Вышел, глянул на таинственную планету и... сказать, что остолбенел было бы не совсем верно. Для характеристики произведенного Немертеей впечатления понадобилось бы более сильное выражение. Но более сильного в космолингве не имелось. Правда, если покопаться в памяти, можно кое-что припомнить из старорусского, но Атлантиде сейчас было не до лингвистических изысков. Если верить описаниям МГАО, повсюду должны были простираться бесконечные зеленые леса и зеленые холмы под ясным небом. А ландшафт перед ним представлял нечто среднее между лунным пейзажем до эпохи Первой Космической Конкисты и видом Ольстера-23 после локальной ядерной войны. Серая земля, осколки скал, черные провалы и тучи песка, которые кружились над поверхностью маленькими, но не сулящими ничего хорошего торнадо.

– А где леса? – спросил Атлантида у самого себя. Среди этого вздыбленного серо-коричневого пространства как раз между двумя неспешно крутящимися смерчами к челноку пробиралась женщина, причем нестарая: это Платон определил безошибочно, несмотря на сероголубой мешковатый комбинезон и платок, которым была закутана ее голова. "Не больше тридцати", – уточнил он, наблюдая за ее походкой. Возраст этот в наше время считается юностью.

– Привет! – донеслось из-под платка. – Рада, что хоть кто-то решил заглянуть на эту чудесную планету! – Она сняла перчатку и протянула узкую ладонь. – Я – Андромаха Свентитская, инспектор МГАО. Можете звать меня просто Андро.

– Профессор Платон Рассольников, – представился Атлантида.

– Я слышала о вас! У меня есть записи всех ваших докладов. Разумеется, те, которые угодили в сети нашего облака.

– Вы случайно не родственница Шлимана?

– О нет! – воскликнула она и даже немного рассердилась. – С этим дилетантом у меня нет ничего общего. Я – последовательница системы Монтилье и Монтелиуса.

– Не похоже, что тут копали, следуя хоть какой-то системе! – проговорил Платон, озираясь по сторонам. Ближайшая воронка была такой глубины, что планетарный челнок мог уместиться там полностью. К счастью, посадка произошла на более ровной поверхности.

– Когда я прибыла на Немертею, здесь все уже было так, как сейчас. Андро не обращала внимания не крутящиеся невдалеке мини-торнадо, и Платон решил, что ими пока не стоит интересоваться.

– Как можно жить среди этого песка и пыли?

– Никто тут не живет. Это территория Древней Столицы. Я веду здесь раскопки. А живу далеко от космопорта, но на вездеходе домчимся быстро.

– Это космопорт? – Атлантида оглядел несколько обломков скал, сложенных так, что получилось некое подобие ограды.

– Здесь потрудились дилетанты вроде Шлимана! А когда вы попадете на мой участок, то оцените мои труды – там все согласно научным методам: главный инструмент – не землесосный робот, а кисточка и пинцет.

– Странная ситуация, Андро, – проговорил Атлантида. – Планета явно пригодна для жилья, но ее никто не осваивает. Не могу поверить, что со времени Второй Конкисты остались подобные планеты.

– Нет разрешения на колонизацию, – с некоторым торжеством в голосе сообщила Андро. – И не будет, пока не установят причину гибели цивилизации и не получат объяснений происходящих на планете аномальных явлений. А причину нельзя установить, так как раскопки не ведутся. То есть веду одна я. МГАО закрыло финансирование.

– Закрыло финансирование? Без установления причины гибели гуманоидной цивилизации?

Даже от МГАО Платон не ожидал такой глупости.

– Представьте! Я сижу здесь не только потому, что мне надо работать хотя, конечно, именно поэтому, – но и потому, что не имею ни одного кредита, чтобы убраться с планеты. С другой стороны, это даже хорошо, что я не могу уехать. Иначе планету превратят в помойку и уничтожат все сколько-нибудь ценное. Я непременно должна показать вам коллекцию керамики. Восхитительные образцы посредственного стиля. И какое точное совпадение узора во всех слоях в течение нескольких тысяч лет! А моя коллекция гончарных кругов...

– Не сегодня, – поспешил прервать ее Атлантида, опасаясь, что последует целая лекция – стоит археологу заговорить о черепках, и он не умолкнет до следующего утра. – Я бы хотел знать, где тут гостиница.

– Гостиница? – переспросила Андро. – Разве вы не были информированы? Да, да, информация поступает нам со сбоями. А от нас, то есть от меня, не поступает вообще. После того как закрыли финансирование, у нас нет средств оплатить в полном объеме формирование тахионных информсетей, и мы вынуждены оплачивать лишь фрагменты, ликвидируя перегрузки нелинейной зависимости. Рассольникову стало казаться, что он общается с рехнувшимся компом. – Так где я могу приткнуться? – спросил он, желая поскорее прекратить разговор.

– Я поселю вас у очень милых людей, – сказала Андромаха, – Идемте, подкину вас на своем вездеходе. Не забудьте прихватить личный багаж. Муж и жена, археологи-любители, очень мне помогают. Не знаю, что бы без них делала. Они живут в зоне отдыха. И, пожалуйста, не трогайте оборудование. Пусть ваш робот погрузит все назад в челнок. Ваше оборудование негде хранить. В космопорте нет складов. А мой склад я вам предоставить не могу. Так что оставьте все в челноке. Вам понравится у моих друзей...

Исчезновение ящика текилы и так испортило Платону настроение. Ну а подобная встреча не прибавила оптимизма. Что-то подсказывало Атлантиде, что путь к золоту Немертеи будет отнюдь не легкий. А надо сказать, что интуиция редко его подводила.

ЗОНА ОТДЫХА

1

Вездеход подскакивал на рытвинах и рисковал каждую минуту перевернуться.

На прозрачный непробиваемый купол сыпались осколки камней и песок. Небо казалось серым, свет Ба-а – тоже. Атлантида пытался представить, где находятся в этом каменном аду главные гробницы, голограммы которых он видел в справочниках, но почему-то не представлялось.

Андро что-то напевала, какую-то новенькую песенку, подслушанную в тот момент, когда она ликвидировала перегрузки нелинейной зависимости. Эта песенка была популярна на Земле-дубль. Набор слов не особенно перегружал память. Атлантида отметил, что вездеход был дорогой и почти новый. Значит, кредиты все-таки у археологини водились.

– А почему вы не используете глайдеры? – спросил Атлантида.

– Потому что над бывшей Столицей они летать не могут. Да и над холмами постоянные аварии. Когда мы делали аэросъемку для выявления новых зон раскопок, глайдеры падали трижды без видимых причин.

Бортовой комп вел вездеход по проторенной дороге, если, конечно, эти ухабы можно было назвать дорогой. У машины были вполне приличные амортизаторы, и потому Атлантиде казалось, что он плывет по песчаному морю. Почему-то вспомнился сон. Он – в цветке кактуса. И желтые бесконечные дюны вокруг. За стеклянным колпаком мелькнула какая-то темная масса и стала приближаться.

– Что это? Дворец эпохи Третьего царства? – постарался проявить свою осведомленность Платон.

– Первая космическая база. Чернушники раскопали ее вместе с дворцом, – отвечала Андро. – Потому я ошибочно пыталась вывести теорию, что цивилизация Немертеи пользовалась компьютерами и бластерами и поклонялась богу, похожему на Микки Мауса... Шутка, – сказала она без смеха. – Но я неосмотрительно и поспешно заявила, что цивилизация Немертеи имела выход в космос. Меня обсмеяли все кому не лень. Даже профессор Брусковский сказал свое “фэ” – как это я осмелилась выдвигать подобные теории.

– И после этого закрыли финансирование раскопок?

– Можно сказать и так, – голос Андро дрогнул от обиды. – Но они не видели, что мне удалось обнаружить!

– Чуть какая-то, – Атлантида улыбнулся лишь для того, чтобы смягчить резкость слов. – Что здесь произошло? Групповое помешательство?

– Не знаю. – Андро пожала плечами – Я прибыла сюда позже – уже когда все заканчивалось. Столица лежала в руинах и народ бежал с планеты. Мне даже удалось купить по дешевке почти настоящий домик и перенести его в загородную зону.

– Подождите с вашей загородной зоной! Ведь взрыв Столицы произошел уже после прибытия археологов и кладоискателей? Так?

– Ну да... – Андро нахмурилась: она не понимала, куда он клонит.

– А раз так, то должны остаться изображения, как выглядела Столица до взрыва.

– Говорят, она была сильно разрушена.

– Что значит говорят? А изображения? Голограммы? Неужели инспекторы МГАО вели раскопки, ничего не фиксируя?

– Не знаю. Изображений не сохранилось. Во всяком случае, я их не видела.

В архиве МГАО тоже не было изображений раскопок Столицы до взрыва. И про взрыв тоже не имелось сообщений. Смутное упоминание о какой-то катастрофе перед началом бегства – и все. Может быть. Столицу и не начинали раскапывать? Произошло столкновение враждующих групп из-за сфер влияния, взрыв нескольких мегаснарядов, после чего вопрос о раскопках отпадает сам собой. Такое бывало часто, когда открывали новую планету. А потом Служба безопасности Лиги Миров обнаружила какое-то необъяснимое явление и попросила всех на выход. – Вам доводилось находить статуэтки в раскопках? – спросил Атлантида, благого разумно опустив слово “золотые”.

– Я нашла кое-что получше. Вы не поверите. Двести десять тысяч семьсот двадцать пять совершенно одинаковых черных керамических кувшинов. И это не предел...

О прелестях черной керамики Атлантида не мог больше слышать.

– Мне нужен глоток текилы.

– Я не пью текилу. В основном мы употребляем местную брагу. Очень оригинальный напиток. Ноэль вас непременно угостит. Вездеход остановился. После повторного напоминания бортового компа прозрачная крышка соизволила отъехать в сторону. Андромаха выпрыгнула первой. Затем вылез Атлантида.

Перед ними была стена высотой метров пятнадцать, и стена монолитная. Не похоже, чтобы где-то в ней имелись хоть какие-то намеки на швы. Часть стены, видимо, ушла в почву очень давно. Во всяком случае, до эпохи массовой атаки золотоискателей. Ворота находились в яме, и к ним вел довольно крутой спуск с неровными ступенями. По обеим сторонам от ворот были высечены правильные овальные ниши. Возможно, когда-то в них находились скульптуры. Сейчас ниши пустовали.

– Идем, – сказала Андро. – Вездеход я оставляю на этой стороне.

И она энергично зашагала по ступеням.

– А багаж? – крикнул ей вслед Атлантида.

– Возьмите самое необходимое. Никто ваших вещей не тронет. Просто потому что некому.

Платон не был так уж уверен в сохранности багажа. Он взял чемодан с вещами и коробку, в которой хранился научный комп и находки с Немертеи. Археологические инструменты пришлось оставить в вездеходе, как советовала сумасшедшая Андромаха. Она уже спустилась к воротам и теперь поджидала его.

– Ну! – сказала она торжественно, будто собиралась перерезать ленточку на открывающейся выставке новых археологических находок, и трижды провела по двери пальцем, обводя нарисованный белый круг. Ворота открылись. За ними лежали зеленые холмы, окутанные влажным туманом. Прямо под ноги стлалось ровное поле, поросшее нежно-зеленой травой, правда, с проплешинами – этакая зеленая шкура коша. То там, то здесь над травяной гладью поднимались невысокие деревья с бледной, желтоватой хвоей, деревья, напоминавшие земные лиственницы. Их ветки были увешаны большими ажурными красно-коричневыми шишками. И посреди этого поля, ближе к холмам, стоял обычный земной дом, опять же с бледно-зелеными стенами и темно-оранжевой крышей. Атлантиде почудилось даже что-то похожее на черепицу. Имитация, разумеется. Небольшой прудок был обложен огромными красно-коричневыми валунами. Сразу за домом начинался лес – то изумрудный, то синеватый или почти черный. Воздух был мутноват, пелена тумана поднималась над лесом и скрывала дальние холмы. Еще один дом, поменьше первого, был отделен от предыдущего двумя рядами местных лиственниц. За деревьями разглядеть отчетливо можно было лишь яркую оранжевую крышу. Атлантиде показалось, что он попал в другой мир. Поменялись краски и звуки – теперь вместо шума ветра и шороха песка он слышал немолчный шепот листвы и голоса птиц – то громкие и пронзительные, то очень тихие и вкрадчивые, похожие на человеческие.

– Почти, почти, почти... – выговаривала неостановимо какая-то пичужка, повиснув на ветке немертейской “лиственницы”.

– Здесь в самом деле неплохо, – заметил Платон.

– Наша загородная зона, – похвасталась Андромаха. – Это дом моих друзей. А вон тот – мой. – Она махнула в сторону видневшейся за деревьями крыши. – Но жить вы будете не у меня.

– Какой любезный прием! – воскликнул археолог, но Андромаха не оценила его юмора.

– Идемте! – И она зашагала к дому. Дорожка была выложена голубыми и красными плитками. А на пороге дома стояла женщина и поджидала гостей. Даже издалека лицо ее показалось знакомым. Атлантида приблизился. Может, он и ждал этой встречи? Может, даже надеялся? Перед ним стояла Кресс в ярко-желтом обтягивающем фигуру комбинезоне. Ее каштановые, с золотыми нитями волосы были собраны в узел. Сейчас она показала Атлантиде куда моложе и красивее, чем в казино на Земле-дубль.

– Привет, – сказала Кресс и протянула гостю руку. – Рада видеть гостей на... Немертее. – Она почему-то сделала паузу перед словом “Немертея”. – Я тоже рад. – Атлантида поставил на землю чемоданы и галантно поцеловал руку хозяйке.

– Пойду к себе, переоденусь, – бросила Андро и побежала по дорожке, ведущей ко второму жилищу.

– Надо сказать Ноэлю, что обед будет через час.

– Ноэль-это...

– Мой муж. Да вы с ним знакомы – видели в казино.

– Вы тогда проиграли триста кредитов куда быстрее, чем я думал.

– Проиграли? Да нет же, мы выиграли! Мы решили, что нам не везет в “Индепенденсе”, обменяли ваши фишки, отправились во “Фридум” и там всю ночь играли. Мне пришлось снять платье, чтобы сгрести в него выигранные фишки.

– Если вы так богаты, то зачем вернулись? – верил ей и не верил.

– Для пребывания на Земле-дубль тех денег все равно мало. – резонное замечание. Даже если Кресс нашла целый табун золотых кошей, ей не хватило бы кредитов, чтобы обосноваться на Земле-дубль. Атлантида не может позволить себе долгое пребывание на этой планете. А было бы неплохо преподавать в Новой Сорбонне и... Нет, лучше пока ничего не планировать. Вот если его надежды сбудутся... А пока подобные мысли могут так испортить настроение, что он наговорит гадости даже хорошенькой женщине.

– А как жизнь на Немертее? Не слишком дорогая? – пошутил Платон.

– Мне здесь нравится. И вам понравится тоже.

– Андромаха не донимает? – подмигнул хозяйке Атлантида. – Все же она – государственный копатель.

– Прошу вас, не называйте ее так. Она обижается. Лучше зовите просто Андро. Жизнь на отдаленной планете имеет свои преимущества.

– А как обычно одеваются к обеду на отдаленной планете? – поинтересовался Атлантида.

– Отутюженный белый костюм с цветком “*tamillaria-blossfeldiana*” в петлице вполне подойдет.

– Наверное, только на планетах Магеллановых облаков можно встретить столь очаровательных дам. – Он все же назвал ее дамой здесь, на Немертее, хотя на Земле-дубль никогда бы не выразился так.

– Их можно встретить и на Земле-дубль, когда они проигрывают последние кредиты.

– И продают археологические находки, не указанные в галактических каталогах.

– Но даже на отдаленных планетах не стоит забывать о ревнивых мужьях... О муже она вспомнила, как только он заговорил о золоте. Ну что ж, пока стоит ослабить атаку. Платону некуда спешить. Истинный аристократ не должен быть грубым с дамой. Маска аристократизма

давала преимущества. Аристократ ничего не воспринимает всерьез, не будет копаться в собственных комплексах с азартом оскорбленного плебея, неудачи воспримет с иронией, чужие теории – со здоровой долей скептицизма, чужие успехи – почти без зависти, и даже страх не сумеет до конца сожрать его душу, потому что часть души уже навсегда занята веселой легкостью несерьезного отношения ко всему на свете – даже к смерти.

Вот только когда говорили о профессоре Брусковском, Атлантида разом терял весь свой аристократизм.

2

Дом был чуточку старомодный – без самодвижущихся полов, без кресел на антигравитационной подушке, без иллюзорных стекол в окнах. И без надоедливой компа, который преследует на каждом шагу своими идиотскими комментариями. Совсем недавно Платон мечтал о таком. И вот – пожалуйста... И еще он мечтал побить Бродсайта. Не слишком ли часто стали сбываться его желания? Кресс отвела гостю крайнюю комнату на втором этаже. Обстановка самая простая: кровать, письменный стол, пара стульев, шкаф и пара вечных светильников на антигравитационных подставках. Если бы не эти светильники, Атлантида мог бы принять это помещение за домик из старинного музея материальной культуры – так все было здесь чуточку архаично, несовременно. Впрочем, человек, который занимается археологией, тоже становится не похожим на других – он двигается по временной оси не вперед, а вспять, от более позднего слоя к более раннему, прокладывая шурф к самым истокам. Для него чем глубже, тем лучше. Он не терпит новинок. Новинка – всегда дешевка. А время придает самой простенькой вещице высокую цену. Надо только суметь выстоять схватку со временем и станешь бесценным и вечным. Старинная кружка из придорожной таверны ценится дороже современной вазы.

В этом доме все имело едва уловимый запах старины – не седой древности, а недавней милой старины. Обстановку привезли в те годы, когда на планету толпами валили золотоискатели.

Атлантида распаковал багаж. В одном чемодане, как уже говорилось, были личные вещи археолога. Во втором – комп и археологические находки. Итак, все складывалось пока более и менее удачно. Если не считать Андро. Но подобные существа встречаются в любой археологической экспедиции: похожая на воблу поборница идеи, которая, как выясняется в итоге, не может отличить консервной банки от древнего светильника. Первым делом Платон направился в душ. Душ в этом доме опять-таки был самый обычный, без ионно-гравитационных добавок. Под струями горячей воды всегда неплохо думается. Итак, стоит подвести первые итоги. Судя по всему, археологов, не считая Атлантиды, всего трое. Тогда не удивительно, что Ноэлю и Кресс повезло найти какое-то нетронутое захоронение и вытащить из него немного золотишка. Другое дело – почему на планете остались только эти трое? В конце концов, перед Лигой Миров – погибшая цивилизация. И надо хотя бы разобраться, почему она погибла, даже если от нее не осталось ничего, кроме осколков черной керамики. Судя по всему, бактериологические проверки дали отрицательный результат, иначе медицинская комиссия Лиги Миров давно бы ввела карантин. А проверки комиссии аномальных явлений? Интересно, какой вывод она сделала по Немертее? Впрочем, Атлантида давно убедился, что эта комиссия состоит из сумасшедших, так что ее выводы никому еще не помогли, зато многих запутали и направили по ложному следу. Но почему так изувечено пространство за стеной? Что-то насторожило Службу безопасности Лиги Миров. Насторожило, но не более...

Вопросов много – ответов нет.

Неужели достаточно какому-то профессору Брусковскому произнести “посредственная цивилизация”, и ученые быстренько пакуют свои вещички и покидают раскопки? Другое дело Ройк... Атлантида почему-то вспомнил о лекциях, которые должен прочитать в Передвижном

Университете Ройка. Пожалуй, он будет смотреться глупо со своей концепцией развития Вселенской цивилизации. Что если на Немертее удастся обнаружить нечто такое, что опровергнет любые теории? Правда, на Ройке его ждали только через три недели. Но Платон не был уверен, что за это время успеет разобраться со здешними загадками.

Пол в комнате был паркетный, из настоящего дерева. Только на планете, не подвергшейся колонизации, можно встретить такую диковину. Выйдя из душа, Атлантида прошелся по полу босиком, чтобы ощутить голыми стопами внутреннее тепло настоящего дерева. В комнате пахло горячим паром. Робот-чистюля, облачившись в пиджак и брюки археолога, старательно пыхтел (в прямом смысле слова), придавая прежний блеск его изрядно пострадавшему костюму.

– Пара достаточно, – сообщил Рассольников, но устаревший долдон-робот не понял его команды и продолжал стараться.

– Прекратить работу! – скомандовал Атлантида. Никакого эффекта.

Чистильщик продолжал обрабатывать программу. Наконец до Платона дошло, в чем дело. Он отыскал на панели управления красную кнопку и нажал ее. Робот напоследок со свистом выпустил струйку пара и отключился. Еще минут пять Атлантида старательно махал пиджаком и брюками, чтобы охладить костюм. К счастью, пятно, оставленное Бродсайтом, исчезло. И профессор Рассольников мог во всем блеске, правда, с зажаренным цветком “*mamillariablossfeldiana*” в петлице (робот и его умудрился “почистить”) спуститься в столовую.

Большая комната казалась почти пустой. Большой овальный стол с полированной столешницей, несколько стульев и секретер. Два больших окна выходили на зеленые холмы. Окна опять же без иллюзорных стекол. Непривычно смотреть в окно столовой и видеть почти такой же пейзаж, который наблюдал из окна спальни. Вечерело. Туман густел и приобретал неприятный желтоватый оттенок. Будто не туман стлался над холмами, а дым. В комнате автоматически вспыхнул свет. Разом мир за окнами сделался черным. И в темноте вдруг засветились сотни и тысячи бледных звездочек. Это медленно спускались с высоты светляки. Казалось, что падает светящийся снег. Снег Атлантида видел на разных планетах. Говорят, на Старой Земле тоже идет снег. Теперь Платон заметил, что и туман слегка фосфоресцирует, то светясь, то угасая с различными интервалами. А что, если это разумный туман? Залезет сейчас в окно и примет облик аборигена в виде... Впрочем, чего там гадать: судя по найденным скульптурам, аборигены Немертеи – гуманоиды. Так что вид, который может принять туманное марево, известен.

Атлантида заметил на подоконнике несколько кактусов в пластиковых горшочках. Один как раз цвел-алый “*arogocactus flagelliformis*”. Сразу два цветка. Какая удача! Археолог выкинул свой зажаренный “*mamillaria blossfeldiana*” в окно, а свежий алый цветок вставил в петлицу. Странно видеть пластиковый горшочек на планете, заваленной керамикой. Рядом на подоконнике Атлантида приметил тонкую книжицу. Настоящую книжечку – пластиковую. Ныне такие встречаются только в антикварных лавках. Эта тоже была издана два или три столетия назад. Яркая, не померкшая с годами обложка, желтый, вернее, темно-желтый пластик.

Платон открыл первую страницу.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР СЭР НОЭЛЬ О'БРАЙЕН, КАВАЛЕР ОРДЕНА БАНИ II СТЕПЕНИ

1

Наставления юному археологу

Надо же, тезка хозяина дома. Может, его дальний предок? Атлантида всегда испытывал легкую зависть к людям, способным нарисовать генеалогическое древо и повесить свое имя яблочком на одной из его ветвей. Тогда ты сам становишься причастным к древности и ощущаешь, как уходишь вместе с корнями древа в прошлое и прорастаешь сквозь года... Было бы недурно бросить во время разговора: а вот мой предок Ноэль О'Брайен в середине девятнадцатого века... Кто теперь помнит этот девятнадцатый век, когда на дворе Галактики тридцатый? Что было в том веке, какие события происходили, какие люди жили? На этот вопрос ответит лишь каждый двадцатый. Но сама цифра “девятнадцать” вызывает благоговейный восторг – вот он, истинный привкус аристократизма! Атлантида против воли вздохнул. Он всегда мечтал носить трусы с фамильным вензелем. Книжка оказалась детской. На следующей странице имелась цветная иллюстрация. Не голограмма – самый обычный компьютерный рисунок. Несколько человек что-то увлеченно расчищали, пользуясь щеточкой и пинцетом. Чуть поодаль смуглый парень в просторных одеждах ковырял песок лопатой. И ни одного робота-землесоса. Бедняги, как же они все это раскопали? Неужели лопатами? Атлантида перевернул страницу.

“1. Не надо копать на первом попавшемся холме. Самое подходящее место изысканий – столица государства или развалины ее бывших городов. Казна, архив, главные храмы и дворцы, как правило, находятся именно там.

2. Выбрать нужный путь и найти в нем нужную точку – вопрос астрографический и отчасти исторический. Но поскольку археолог имеет дело с непознанной историей, необходима разумная доля воображения в вопросе определения места начала раскопок. Если тебе мало воображения, заложи сеть шурфов.

3. Знай, что на месте старого дома вырастает новый, на месте старого города, как правило, строится новый. Поэтому всегда более древние объекты раскопа залегают глубже.

4. Помни, что жители данного места брали у окружающей природы все, что могли. Все, что они не могли взять у природы, они брали у соседей. Это легко определить при раскопках. Задай себе вопрос где создан этот предмет? Это позволит тебе наметить на будущее новые объекты для твоих археологических исследований.

5. Перед началом раскопок постарайся определить среду обитания существ, цивилизацию которых ты изучаешь, а также хотя бы примерный их внешний вид. Не перепутай их останки с останками домашних животных. Это позволит тебе правильно наметить стратегию изысканий и подобрать необходимый для работы инструмент.

6. Помни, что все найденные предметы являются археологическими памятниками и их необходимо фиксировать на носителях информации для дальнейшей работы по хронологии и типологии”.

2

Атлантида отложил книжку. Интересно, как Кресс и ее супруг умудрились отыскать золотые вещицы, руководствуясь подобными сочинениями?

– А, вы читаете поучения генерал-майора? – весело спросила женщина, входя в столовую. В первую секунду Атлантиде показалось, что это – Кресс. Потом он понял, что ошибся. Женщина была очень загорелой – такая светло-шоколадная кошечка с блестящей, будто лакированной кожей. У Кресс тоже великолепный загар. Видимо, лучи Ба-а дают столь удивительный эффект. Волосы у красавицы были ярко-рыжие. Причем не крашенные, а настоящие. Уж это Атлантида мог отличить и оценить. Да и вообще незнакомка почти не пользовалась косметикой – лишь бледно-фиолетовая помада на губах. Короткое ярко-голубое платье открывало необыкновенно длинные и стройные ноги.

– Фасон немного устарел, – сказала гостя, и Атлантида, к своему удивлению, узнал голос Андромахи.

– На Немертее это простительно. К тому же учитывая... нелинейные функции ваших перегрузок. Тем более что платье вам идет. Он демонстративно задержал взгляд на ее ногах. Андро ненатурально рассмеялась.

– А ваши друзья с поездки на Землю не привезли вам каких-нибудь подарков? – невинным тоном поинтересовался Платон.

– На Землю? – Андро изумилась. – Когда они побывали на Земле? – Ну, не на Старой Земле, разумеется. А на Земле-дубль. Недавно я их встречал.

– Они уже два года здесь и никуда не уезжали. Я вижу их почти каждый день. Порой они ночуют на раскопках в сборном контейнере. Или я остаюсь в своем, когда удастся найти что-то интересное. Или мы не заглядываем друг к другу домой. Но это три-четыре дня, не более.

– Вы уверены в этом? – Атлантида постарался скрыть, что удивлен. За трое или четверо суток добраться на Землю-дубль и вернуться обратно невозможно. Даже если это немертейские сутки, на три часа и пятнадцать минут с несколькими секундами длиннее стандартных.

– А то, что находят, археологи-любители показывают вам? – поинтересовался он небрежно, вертя в руках книжицу кавалера ордена Бани.

– Разумеется. Им удалось найти три почти не тронутых загородных поместья с простой утварью и такой же простой мебелью. Кстати, там совершенно другая посуда – уже без узоров. И не керамика.

Атлантида бросил взгляд на любопытную книжку и улыбнулся.

– Может, это были животноводческие фермы? Посуда – корыта и поилки, мебель – стойла.

– И эти животные ели вилками и ложками? – в свою очередь улыбнулась Андро.

– Я где-то читал о подобном... – Он уже в открытую насмешничал.

– Ну, думаю, вы читали “Скотный двор”, так же как и я. Тут вошла Кресс в точно таком же голубом платье, как и Андромаха. Ноги у Кресс были короче и полнее, хотя тоже довольно стройные. И попка, обтянутая блестящей тканью, очень даже аппетитная. Пока женщины целовались, профессор Рассольников сравнивал их ножки и ...т-м-т... скрытые платьями ягодицы. Бесспорно, у каждой были свои достоинства.

– Как ты чудесно выглядишь! – прошептала Кресс.

– А ты просто прелесть, – отозвалась Андромаха.

Следом явился Ноэль, глянул на женщин, поморщился и подошел к Атлантиде.

– Я сразу догадался, что вы хотите выпить, – сказал, протягивая стакан с каким-то подозрительно пахнущим напитком. Цвет жидкости был трудноопределим что-то между коричневым и бордовым – в зависимости от освещения. – Местная брага?

– Да, собственноручного приготовления. Но мозги прочищает отлично. Странный у него все же акцент. Не слишком сильный, но какой-то неприятный, будто Ноэль постоянно катает камешки под языком. И все же он походил на человека, который может ответить, чем занимались его предки в девятнадцатом веке. Но не вспомнит, чем сам он занимается в веке нынешнем. Атлантида пригубил брагу. В первую секунду показалось, что набрал в рот пригоршню

злых муравьев. По мере того как жидкость попадала по пищеводу в желудок, казалось, что муравьи прогрызают тропку в организме.

– К-крепко... – выдохнул археолог. Спирт рядом с этой жидкостью мог показаться дистиллированной водичкой. И почти сразу пришло чувство легкой эйфории.

– Думаете, они подружки? – спросил Ноэль, поглядывая на воркующих дам. – Ошибаетесь. Они терпеть друг друга не могут. Наверняка Андро сказала о нас какую-нибудь гадость. – Хозяин бросил на гостя выжидающий взгляд.

– Почти угадали. Она заявила, что вы украли у нее служебный челнок и ей пришлось разыскивать вас по всей Галактике.

Ноэль рассмеялся. Почти натурально.

– Я так и думал. Андро мечтает, чтобы мы убрались с планеты. Ей почему-то хочется остаться здесь одной. Думаю, что-то раскопала под грудой мусора. Что-то необыкновенно значительное. Но она не подпускает нас к своим находкам, – он говорил непринужденно, почти естественно. Но Атлантида был уверен, что Ноэль лжет. Только он не мог понять – зачем. – А вы показываете ей свои находки?

– Да, приходится. Она же государственный копатель. Иначе она попросит нас убраться с планеты. Три замечательные загородные виллы, которые мы нашли, она обобрала дочиста.

– Как же вам удалось утаить золото?

– Пластинка? Это просто. На одной из вилл под полом нашли три скелета умерших немертейцев. Такие захоронения не характерны для данной цивилизации. Но тут почему-то стариков похоронили прямо в доме, под полом. Представляете, мы впервые нашли на Немертее скелеты ее жителей. Кстати, они почти полностью антропоморфны, только более коренасты и с более массивными скелетами... – Ноэль почему-то заволновался. Акцент сделался заметнее. И даже голос задрожал. Он сделал большой глоток браги и только после этого смог продолжить:

– Скелеты мы немедленно запаковали в герметичный контейнер для дальнейшего изучения. – Он вздохнул с заметным облегчением, как будто только что закончил упаковку. – И вот среди костей одной из пожилых дам я обнаружил пластинку. Признаюсь честно, я не удержался от искушения и спрятал ее. А потом отдал Кресс. У нас давно был план – поехать на какую-нибудь богатую планету и выиграть денег, чтобы продолжить раскопки. Решил, что ради благородной цели имею право утаить такую малость...

Ноэль улыбнулся. При этом по его сухощавому лицу пробежали морщины. Он показался очень старым. Старым лгуном – уточнил про себя Платон. Хотя скорее всего Ноэль чуть старше Кресс – ну, может быть, на пять биологических лет. Но сам рассказ про найденные трупы, пожалуй, правдив. Да, про останки – правда, а про пластинку – вранье. – ...К этому платью нужны голубые бусы, – ворковала Андро. – ...Да-да, бусы из немертейского камня, я попросила Ноэля, он нам их выточит, – вторила ей Кресс.

– А других золотых изделий вы не находили? – поинтересовался Платон.

– Нет. – Ноэль бросил удивленный взгляд на Атлантиду. – Золото – большая редкость на Немертее, если не считать нитей...

– А что еще вы можете сказать про найденные скелеты?

– Если честно, ничего...

– Ну, как же... Скелет способен поведать о прежнем своем обладателе. Если можно так выразиться. – Платон наблюдал за дамами. Ему показалось, что обе прислушиваются к разговору. – К примеру, особые отметины на костях таза говорят о том, что женщина рожала. Сросшиеся определенным образом коленные суставы – о том, что гуманоид ездил на лошади или каком-то другом верховом животном – без седла. Состав костей и зубов поведает о том, как питался гуманоид – хорошо или не очень...

– Мы же любители! – прервал его рассуждения Ноэль.

Атлантида допил содержимое стакана, после чего пол под ногами исчез и появилось ощущение антигравитационной дорожки. И тут он решился на рискованный ход. Вернулся к себе в комнату, достал из чемодана золотого коша. На секунду сомнение одолело его – стоит ли? Да и зачем? Может, подождать? Но ему захотелось рискнуть. А уж если Атлантида захотел рисковать, то остановить его не сможет никто.

Платон принес статуэтку в столовую и поставил на стол.

– Вот. Кош. Обратите внимание – золотой.

Трое его новых знакомцев удивились. Очень. Причем все в равной мере. Андро ахнула. Кресс раскрыла рот. Ноэль присвистнул. И, несмотря на смуглый оттенок кожи, стало заметно, как он побледнел.

– Золотой кош. – Хозяин дома взял статуэтку в руки, повертел, взвесил на руке. – Тяжелая. И даже очень. Откуда он у вас? – Ноэль был, казалось, рассержен. Или испуган? Кресс тоже побледнела.

– В лавке антиквара. И выложил за него очень приличную сумму. – Платон внимательно вглядывался в лицо Ноэля. Тот заметил его взгляд и усмехнулся. Однако усмешка далась ему с трудом. – И что вы думаете об этой статуэтке?

– Архаичный период. Несомненно. Но не немертейский.

– Коши водились только на Немертее, – неуверенно сказала Андро.

– Кто спорит. – Ноэль пожал плечами и поставил статуэтку на стол. – Но если вы определите, к какому периоду относится эта скульптура, я выучу “Илиаду” наизусть.

– На древнегреческом! – радостно воскликнула Андро. Ноэль кивнул и вновь бросил взгляд на жену. Та уже пришла в себя и держалась безупречно. Что же все-таки раскопали эти двое, если они так нервничают при виде небольшой золотой статуэтки, найденной не ими? Возможно, они нашли какую-нибудь царскую гробницу, сверху донизу набитую произведениями искусства, а не дурацкими черными черепками.

Атлантида представил профессора Брусковского с белым вытянутым лицом, мусолящим в руках свою нелепую желтую шляпу. Ради этого момента он готов был пожелать удачи кому угодно.

– Второе царство, – принялась рассуждать Андро, беря статуэтку в руки. Но, внимательно приглядевшись, покачала головой. – Нет. Не Второе. И не Додинастический период. И эти растущие кустиками волосы. У настоящих кошей они растут сплошь. И... и... Таких изображений мы еще не встречали.

– На Немертее нет статуэток из металла, – напомнил Ноэль. – Еще не найдено ни одной. Гранит и местный мрамор, иногда дерево или мыльный камень...

– Так откуда тогда эта? – Платон пытался выжать максимум из создавшейся ситуации.

– Эта? Из вашей антикварной лавки. – Атлантиде показалось, что Ноэль подавил улыбку.

– Это не немертейская скульптура, – уверенно заявила Андро. – Я сейчас принесу аппарат определения возраста, и мы...

– Не нужно, – сказал Рассольников. – Я провел анализ на Земле-дубль, причем на самом точном приборе. Статуэтке около пятисот лет.

– Пятьсот лет? – Ноэль пожал плечам. – Если вы хоть что-то знаете о культуре Немертеи, то сразу поймете: статуэтка не отсюда. Пожалуй, теперь он не лгал. И оскорбил походя, но вроде не зло – как истинный аристократ. Но Платон почему-то не обиделся. Хотя и не терпел конкуренции. Просто Ноэль был другой, настолько другой, что говорить о конкуренции не имело смысла.

– А выглядит, как произведение Додинастического периода. Почти.

Выходит, умелая подделка.

Все-таки Руфус нагрел его. Как всегда.

– Послушайте, давайте обедать, – сказала Кресс, – а вашим кошом займемся потом.

Сервизная тележка вкатилась в столовую, везя на подставке тарелки с содержимым бледно-лилового цвета.

– Это наше немертейское блюдо. Суп-пюре, – сообщила хозяйка.

– Мы едим его каждый день, – добавила не без ехидства Андро.

– Очень полезно, – закончил рекомендации Ноэль. Ложки, как показалось Платону, были пластиковые. Но пластик из дорогих. Даже на ощупь похоже на серебро. И только легкость выдает неметалл.

– Чем вы намерены завтра заняться? – спросила Андромаха.

– Надеюсь, что вы пригласите меня на раскопки.

– С удовольствием. – У Андро были светлые глаза, казавшиеся совершенно прозрачными на загорелом лице. – А что вас интересует? Платон вспомнил наставления генерал-майора.

– Столица, разумеется. – Хотя он не надеялся найти в Столице остатки архива или казначейства.

– Столица – это все, что внутри стены! Хорошо. Я разбуду вас на рассвете. И мы отправимся смотреть храм. Только прошу вас, не в белом костюме.

– У меня есть отличный комбинезон для подобных прогулок. – В петлицу комбинезона вы тоже вставляете цветки кактуса? поинтересовалась Кресс.

– Ну, что вы...

– Тогда в следующий раз прежде, чем обрывать цветы на чужом подоконнике, подумайте о собственных волосах, – с очаровательной улыбкой добавила Кресс.

– Крессида, дорогая! – воскликнул Ноэль, и в его голосе Атлантиде почудился испуг. Не поддельный, не шуточный – настоящий.

3

Вернувшись в спальню, Платон вновь придирчиво осмотрел золотого коша.

Что-то в этой фигурке встревожило всех троих, и особенно Ноэля. Но что именно?

Хозяин дома взвесил статуэтку на руке и сказал: “Тяжелый”. Разумеется, тяжелый. Ведь кош – золотой. Как кувшинчик. Платон взял в одну руку коша, в другую кувшинчик, купленный у Монтеня. Разумеется, сосуд весил меньше – но ведь он тонкостенный, а кош – литой. Или Ноэль предполагал, что статуэтка внутри полая, а она оказалась литая? Ну и что здесь такого странного? Больше золота и... Другая эпоха? Нет, не то. Эпоха явно ни при чем. То есть тоже при чем... Ничего не получалось. Атлантида сложил золотые вещицы в коробку, запер дверь и лег. Но сна не было. Вокруг сотни загадок и ни одной зацепки. Ни единой. А хотелось немедленно что-то разгадать... хоть что-нибудь... Он закрыл глаза и постарался заснуть. Не получалось. Он не слышал, как открыли дверь (да и заперто было изнутри!), но почувствовал, что в комнате кто-то есть – неизвестный двигался слишком неосторожно – отчетливо можно было различить шорох и странное потрескивание. Платон осторожно встал. Ощутил под босыми ногами тепло деревянного пола.

Выкрикнул: “Свет!” Но свет не загорелся. Атлантида схватил тросточку. Вновь рядом раздался шорох. Хлестнул тросточкой наугад. Попал или нет – неясно. Кажется, не попал. Но самого потрянуло с головы до ног так, словно в него угодил разряд станнера, – и Платон отключился... Он очнулся лежащим на полу. В комнате горел свет. Коробка, где он хранил артефакты, валялась рядом. Пахло горелым. Крошечный замочек на коробке был попросту выжжен. Золотой кувшинчик на месте. А вот кош исчез... Атлантида поднялся, но его тут же затошнило и качнуло куда-то вбок. Он замычал от отвращения и уселся на кровать.

В коридоре раздались шаги. И Платон в последнюю минуту успел схватить кувшинчик и спрятать под подушку. На пороге возникли Ноэль и Кресс, оба в роскошных халатах до полу.

– Что случилось?..

– Ничего особенного... У меня только что украли моего золотого коша. – Супруги переглянулись. Казалось, этот факт их нисколько не удивил. – Вы случайно его не брали?

Кресс надменно сдвинула брови. Ноздри ее тонкого носа затрепетали.

Какой великолепный гнев!

– Нам ни к чему, – отрезал Ноэль.

– Ни к чему? Я заплатил за него десять тысяч кредитов. А теперь он исчез. И как вы справедливо изволили заметить, кош был золотой.

– Вы же слышали – нам он не нужен!

– Может быть, наша очаровательная Андро решила поближе изучить статуэтку? – поинтересовался Платон.

– Она не брала! – зло покусывая губы, заявила Кресс.

Почему она злится? У него исчезла золотая статуэтка, а Кресс злится. Занятно.

– Пойдем к ней и спросим, – предложил Ноэль.

Платон запер дверь, хотя знал, что для таинственного вора это не помеха.

4

Была ночь, очень светлая немертейская ночь. Здесь все ночи светлы – в воздухе парят тысячи, миллионы, миллиарды светляков, и кажется, что звездное небо спустилось на Немертею.

Атлантида с самым решительным видом направился к дому Андро. Ноэль, поначалу его сопровождавший, остановился невдалеке и наблюдал за происходящим с видом постороннего – как будто это не у него в доме произошло ограбление. Платон уже собирался постучать, но тут в небе, затмевая желтое мутное свечение тумана на дальних холмах и белесое свечение живых звездочек-светляков, вспыхнуло оранжево-желтым, будто брызнуло во все стороны веселым огнем. Золотая светящаяся сеть повисла на мгновение в небе, а потом распалась и погасла. Платон замер, глядя на эту странную картину.

Ноэль тоже смотрел, подняв голову. И в золотом отсвете странного огня Атлантиде показалось, что Ноэль улыбается.

Дверь в дом Андро распахнулась, и она возникла на пороге в короткой ночной рубашке.

– Вы видели?! – крикнула она. – Что это было?

– Я шел пригласить вас на фейерверк, – сказал Платон. – Но не успел...

– Фейерверк? – переспросила Андромаха. – Что это такое? – Были когда-то такие развлечения. Очень давно. Но в нынешнем веке они вновь входят в моду. О пропаже ему говорить почему-то расхотелось.

СТОЛИЦА НЕМЕРТЕИ. НЕМЕРТЕЙСКИЙ ХРАМ

1

Андро явилась, как и обещала, на рассвете. Кресс не торопилась пригласить гостя к столу, так что Платону пришлось довольствоваться стаканом местной браги. После чего они с Андромахой направились к стене.

– Стену построили до или после открытия Немертеи? – поинтересовался Атлантида, когда перед ним распахнулись ворота. Он удивился, что не знает этого факта. Да, он ничего не знает о стене, потому что этой информации не было в сети. Не имелось даже изображений стены.

– Стена древняя, – сказала Андро. – Это несомненно.

– Древнее бластеров?

Она пропустила насмешку мимо ушей.

– Материалу в основании около шести тысяч лет. То есть начало Третьего царства.

Вещи, оставленные в вездеходе, в самом деле никто не трогал, зато какой-то невежливый зверь измазал всю поверхность вездехода липкой желтой слизью, особенно постарался испачкать прозрачный купол. Атлантида неосмотрительно тронул липкую поверхность и тут же перепачкал не только ладони, но и новенький темно-зеленый комбинезон.

– Что это? – брезгливо морщась, спросил Платон, безуспешно оттирая нейтрализующей салфеткой густую вонючую слизь с ладоней. – Кто оставил эту дрянь?

– Гигантский слизень. Они роют норы повсюду, забредают и за стену. Но редко. Обычно под постройками они ходов не делают. Некоторые астро-зоологи считают этих тварей разумными. Но я так не думаю.

– Вы ошибаетесь, они весьма смысленные. И теперь я понимаю, почему эта тварь старательно обделала ваш вездеход. Разумные существа терпеть не могут, когда их считают безмозглыми, и при любом удобном случае мстят обидчикам. Вспомните себя.

– При чем тут я?

– Я имел в виду всех женщин, – шутка была несколько старомодна. Но в среде археологов в моде старина.

Андро обиделась. Она успела замотать платком лицо, но он видел ее глаза и навернувшиеся на них слезы. Какая чувствительность! Он терпеть не мог подобных сентиментальных сцен.

– Кстати, а почему робот не вычистил вездеход? – поинтересовался Атлантида вместо извинения.

– Слизь тут же засорит сопла. Потому пришлось робот перепрограммировать, чтобы он ни в коем случае ее не трогал.

– А кто же будет отчищать эту мерзость?

– Мы.

– Да? Я тоже должен принять в этом участие?

– Через два часа слизь засохнет и ее будет практически не отодрать. Андро вытащила из сервисного отсека коробку, набитую чем-то похожим на желтоватую вату – видимо, какое-то местное растение. Полчаса они драили вездеход.

Робот стоял рядом и фиксировал:

– Семьдесят два процента поверхности площади очищено... семьдесят три процента поверхности площади очищено...

– Все ваши роботы устарели лет сто назад! – воскликнул Платон, стирая пот со лба. Его новый комбинезон был покрыт отвратительными пятнами. Зато Андро, как ни странно, почти не перепачкалась.

– Кто спорит... – невозмутимо отозвалась Андро.

– Восемьдесят два процента площади очищено...

– Почему вы заставили меня бросить все оборудование в космопорте? Мой робот новейшей модели – F-55001 очистил бы все за три минуты. Недаром он стоит дороже “Феррари” с антигравитационным днищем.

– Тогда тем более не стоит привлекать его на подобные работы: вдруг у него тоже засорится сопло.

– Ну и черт с ним. У новых моделей сопла сменные. Полтысячи как минимум в запасе. Так что на обозримое будущее нам хватит. Наконец они закончили с очисткой и поехали на раскопки.

– М-да, и где ж тут надо было копать, руководствуясь наставлениями генерал-майора? – задал сам себе вопрос Атлантида. Сегодня пейзаж показался ему еще более унылым, чем накануне. Странно, что внутри стены не было ни травинки. Или здесь не идут дожди, не выпадает роса? – Куда вы меня везете?

– К храму. Главные гробницы находятся рядом. Можете их тоже осмотреть. – Ему показалось, что Андро хихикнула. – Только смотреть там практически нечего.

Гробницы давно пусты. Все, что в них было, находится на моем складе.

– А храм тоже на складе?

– Некоторые вещи из храма – да...

– Послушайте, Андро, а эта земля не отравлена? Почему здесь ничто не растет?

– Карантинная комиссия не нашла здесь ничего опасного для здоровья людей. А трава не растет из-за ветра. Мини-торнадо постоянно перемешивают песок. Любой росток тут же погибает. И потом вы не правы: под защитой больших обломков трава есть. А вот все, что на открытом месте, тут же уничтожается. Итак, они стояли посреди унылого пейзажа в серых тонах, прижимали к лицу платки и задыхались от кашля. Платон предусмотрительно захватил с собой защитные очки. Андро – тоже. Повсюду обломки камня, серо-желтая пыль и брошенная техника – следы деятельности археологов и золотоискателей. Причем механизмы в таком виде, будто побывали в челюстях автоматической камнедробилки. И над всем этим – воронки мини-торнадо, раз за разом описывающие круги – каждый на своей территории. Видимо, они и изжевали людскую технику. Изжевали, да... Но насытились ли?

– Как образовалась эта пустыня? И почему эти стационарные вихри гуляют здесь повсюду? – спросил Атлантида. – Можете мне объяснить? – Этого никто не знает. Произошла какая-то катастрофа...

– А что вы вообще можете объяснить?

– Многое. Могу рассказать о дворце или о храме. С чего начнем?

– С храма. Я всегда начинаю с храма, если планета была заселена гуманоидами. Самое ценное гуманоиды всегда отдавали богам.

2

Андро подвела его к огромному, сложенному из кирпичей цилиндру метра три в диаметре. Наружные стены еще хранили остатки штукатурки и какого-то, почти полностью стерттого рельефа. Атлантиде показалось, что он различает слабый абрис коша, стоящего на задних ногах.

– Как вы думаете, что это такое? – спросила Андро, поглаживая почти ровную горизонтальную поверхность кругляка. В ее голосе читалось торжество. Она была уверена, что профессор Рассольников ошибется.

Он изобразил, что чрезвычайно озадачен.

– Что бы это могло быть? – принялся рассуждать вслух Платон. – Стол?

Нет. Жертвенный камень? Нет. – Он ковырнул тросточкой штукатурку кругляка. – Пожалуй, я бы сказал... – театрально затянул паузу. – Это остатки колонны от портика храма.

Андро открыла рот. То есть Атлантида предположил, что она открыла рот.

Потому что под платком было не разглядеть.

– К-как... – выдохнула она.

– Маленький профессиональный секрет. А теперь расскажите мне про ваш храм.

– Вообще-то храмов семнадцать, – проговорила не очень уверенно Андро, еще не успев прийти в себя. – Они стоят один над другим. Эта колонна принадлежит храму три. Вот тут – она ткнула пальцем в грудку песка – остатки второй колонны – их уже замело, а вон там – третья. Вернее, это основания колонн пятого храма, которые разрушили, и на них возвели более новые. Счет, разумеется, идет сверху вниз, от поздних построек к древним. – Могла бы и не пояснять – все-таки перед ней профессор археологии.

– Я наугад заложила шурф, надеясь отыскать гробницы. Но никаких находок не попадалось, проходила через плотную кирпичную кладку все глубже и глубже, пока наконец не сообщила, что шурф пролегал через остатки стоящих друг над другом храмов.

– Пятый храм относится, насколько я помню, к эпохе Третьего царства?

– Да, это был расцвет Немертеи. Когда мы поднимаемся от слоя V к слою IV, сразу видим все признаки упадка. Здания в основном не строятся заново, а реставрируются наспех, из дешевого материала... А колонны... Вы бы видели колонны четвертого слоя! Их остатки мы нашли в мусорных кучах, наваленных поверх главных гробниц. Это не колонны, а какие-то убогие подпорки. – Андро говорила так страстно, будто речь шла об упадке и разрушении ее собственного дома.

– Но все же Четвертое царство вновь возродилось. Следующий храм слоя III достаточно богат – если судить хотя бы по колоннам.

– Произошло не возрождение, а жалкая попытка подражать древней культуре. Как только я начала раскопки, то сразу обратила внимание, что период слоя I убогий и очень недолгий. Потом, когда я смогла уже сравнивать остатки слоя I со слоем V, поняла, что этот последний храм стал пародией на его изначальный вид, обычно такие постройки именуют “фазой З”, то есть последней степеню упадка. Никогда, никогда, никогда Четвертое царство не достигало высот Третьего!

– Расскажите мне подробнее о храме, – попросил Атлантида.

– Как я уже говорила, храмов было семнадцать, и все строители возводили новый на старом месте. И ни один не решился перенести храм с холма, выбранного для первого святилища. Мне удалось законсервировать часть раскопок... Она указала на небольшой матовый купол, накрывающий часть желто-серого пространства. И сам этот купол, припорошенный песком, тоже был желто-серым.

– Но прежде чем мы пойдем туда, я хочу показать вам еще кое-что. Она повела его между серых и серо-коричневых обломков и небольшому расчищенному участку. Указала на прямоугольную плиту, формой похожую на надгробную. Что это? Главная гробница? Если судить по описаниям, не похоже. Андро загадочно улыбнулась и легко сдвинула плиту, которая должна была весить как минимум полтонны. Но это оказалась всего лишь крышка из пенопластика. Под ней обнаружилось нечто, похожее на погребальную камеру. Метра два в длину, около восьмидесяти сантиметров в ширину и метр с небольшим глубиной. И вся эта камера была заполнена черной керамикой. Узкие высокогорлые сосуды стояли, прижавшись один к другому, как

солдаты на параде. Так вот они, знаменитые черные кувшины, которые на Немертее находили повсюду! Платон с трудом вытащил один из сосудов – так плотно была заполнена яма. Оглядел. Крышки у кувшина не было. Перевернул. Наружу высыпалось немного песка.

– А вы не пробовали их исследовать на предмет наличия благовонного масла или...

– Пробовала. Но все кувшины абсолютно пусты. Ладно, ставьте его на место, и пошли.

Она прикрыла своей легонькой плитой “погребальную камеру”. На всякий случай, чтобы очередное мини-торнадо не унесло крышку, защелкнула замки. Они двинулись к матовому куполу. Управляющий чип услужливо раздвинул узкую дверь в защитном куполе. Атлантида и его спутница протиснулись внутрь. Здесь, защищенные от песка, ветров и смерчей, виднелись остатки расчищенных стен и пола. Пол был выложен красными и голубыми плитками – совсем как дорожка в загородной зоне. Не исключено, что археологи плитки для дорожки взяли с какого-то раскопа.

Посредине целлы храма находился огромный параллелепипед, сложенный из кирпичей – часть штукатурки обсыпалась, обнажая красную кладку. – Жертвенник? – спросил Атлантида, хотя сам был уверен, что нет, не жертвенник – что-то другое.

Он тронул поверхность тросточкой. Горизонтальная сторона абсолютно ровная – огромный оштукатуренный квадрат. А вот над полом “жертвенник” возвышался всего на несколько сантиметров. Над этим полом. – Надо полагать, что это сооружение принадлежит предыдущим храмам. А пол нарастили, и потому столик получился низковатым, – заметил Атлантида.

– У меня точно такая же теория! – воскликнула Андро. – Вообразите – Третье царство существовало четыре тысячи лет, а в раскопе всего три ярко выраженных периода. Толщина культурного слоя свидетельствует об огромном временном периоде. А храм перестраивался всего трижды. Только пол меняли – и все. Стены те же. В жилых кварталах дома менялись; ветшали, ремонтировались и восстанавливались. А храм оставался почти без изменений. Я пока не решилась копать рядом с жертвенником. И Ноэль, кстати, считает, что этого делать не следует. А вот там... Идемте, покажу... – По тому, как задрожал ее голос, Атлантида понял, что она обнаружила действительно нечто замечательное.

– Только взгляните! – Она подвела его к довольно низенькому строению с треугольной крышей из квадратных, идеально отполированных плит. Крыша эта находилась на уровне колен Платона. Строение походило на часовенку. Атлантида, однако, не спешил делать выводы. Вокруг пол был разобран, и передняя стена часовенки почти полностью открылась. Можно было разглядеть довольно широкую дверь и геометрический орнамент на стенах. Одного поверхностного взгляда было достаточно, чтобы определить: это абсолютно тот же орнамент, что и на бесчисленной черной керамике.

– Вообще-то двери в часовенку не было, – принялась объяснять Андро. – То есть она была, но наглухо замурованная. Поэтому я назвала это строение “мастабой” по аналогии с египетскими надгробными постройками, имеющими ложные двери, хотя, я понимаю, сравнение не очень точное. А теперь идем вниз... В полу были сделаны удобные ступени. Археологи спустились к “мастабе”. Атлантида включил фонарик. Луч заскользил по стенам. Да, несомненно, орнамент точно такой же, как и на керамике.

– Сейчас я вам покажу такое... – прошептала Андро и шагнула внутрь “мастабы”.

Платон ступил следом. И увидел удивительно правильное, можно сказать, идеальное кольцо, выточенное из мрамора. Мрамор был светло-голубого оттенка с синими прожилками и белыми крапинами.

– Это колодец? – спросил он.

– Скорее шахта. Внизу нет воды. Хотя я не уверена. – Почему? Неужели нельзя узнать, есть внизу вода или нет? И что там вообще – внизу?

Он направил луч фонарика в жерло и увидел грубо выточенные гранитные ядра. Они лежали друг на друге – огромные, весом каждое не менее полутонны. А меж крупными были насыпаны другие, поменьше.

– М-да... Очень интересно. Колодец, наполненный камнями. И что бы это могло значить?

– Я бы хотела спросить у вас. – Сейчас в голосе Андро не было ни тени насмешки. Она сама ничего не понимала. – И это притом, что рядом гранита нет. Его привозили сюда с каменоломен за тридцать километров.

– Для служителей культа – сущая безделица.

Она сняла повлажневший от дыхания платок, вытерла лицо. Тряхнула волосами. Распущенные, они доходили ей до плеч.

– Вы не пытались вынуть камни? – спросил он. Андро усмехнулась. – У меня нет роботов такой мощности. Я хотела сделать лебедку... но побоялась. Вдруг уроню ядро и разобью мраморное кольцо? Вообще-то это не мрамор, это так называемый немертейский камень. Потрогайте поверхность... Он последовал ее совету. Поверхность была идеальной – как будто ее полировали.

– Вам что-нибудь это напоминает?

– Даже не знаю... ядра грубо обработаны... Из таких нурагийцы делали свои постройки на Сардинии.

– Что-то я не слышала о такой планете.

– Это остров на Старой Земле. Сколько примерно лет колодцу?

– Мы находимся на уровне восьмого слоя.

– То есть это конец Второго царства? Около семи тысяч лет до Второй Конкисты? Надо же! Семь тысяч лет... и такой идеальный круг. Во всяком случае, технология была у них на высоте. А профессор Брусовский назвал эту цивилизацию посредственной.

– Профессор Брусовский – идиот! – заявила Андро с такой яростью, что Атлантида рассмеялся.

Впервые упоминание имени Брусовского доставило ему радость.

– Замечательные слова! – Он направил луч фонарика ей в лицо. Она зажмурилась. Тогда он обнял ее и поцеловал. А дальше... Дальше ему показалось, что ее лицо заколебалось. И пол под ногами качнулся. Ну надо же – один поцелуй... Уж не колдунья ли она? Наверху грохнуло так, будто кто-то засадил мегаснаряд в здание старинного храма. Андро и Платон рухнули на пол. “Мастаба” содрогнулась, сверху посыпался песок. Когда грохот падающих обломков стих, Атлантида поднял голову. В “мастабе” было абсолютно темно. Однако фундамент, постоявший не одно тысячелетие, устоял и на этот раз. Выдержала и крыша. Платон несколько раз смачно чихнул – пыль лезла в нос, рот, глаза. Андро тоже принялась чихать, правда, не так громко, зато непрерывно. Атлантида включил фонарик. Воздух стал плотным от клубов желтоватой пыли. С трудом можно было разглядеть очертания стен и колодца. Так и есть, их засыпало: гряда обломков загромождала весь дверной проем.

– Хорошо, что колодец не пострадал, – пробормотала Андро. Почему это хорошо, он не понял. Лучше бы колодец рассыпался, но остался выход наружу.

– Что мы будем делать? – спросила она, чихнув в очередной раз.

– Откапываться. Кстати, что могло взорваться?

– Не знаю... За все время, что я здесь, взрывов такой силы не было.

– Значит, взрыв в мою честь? Тогда приступим к разбору завала. Атлантида взял в руки первый обломок кирпичей, скрепленных раствором, и огляделся. Куда бы деть? Он отложил его в дальний угол “мастабы”. Потом второй, третий... Андро светила ему фонариком. Нет, так дело не пойдет! Через пятнадцать минут все помещение будет завалено обломками. Ничего не оставалось, как кидать кирпичи в колодец. Несмотря на протест Андро, Платон бросил

обломок вниз. Обломок еще падал, а колодец уже начал вибрировать. Будто мелкая дрожь сотрясала каменное кольцо. И дрожь эта сопровождалась противным скрежещущим гулом.

– О господи... – прошептала Андро. – Лезь немедленно вниз и забирай свой дурацкий кирпич.

– Мы уже перешли на ты?

– Лезь в колодец! – повторила она свой приказ. Каменное кольцо вибрировало все сильнее. И гул нарастал. Звук становился все выше, пронзительней.

– А вдруг я провалюсь вниз вместе с камешками – а?

– Я спускалась, и ничего со мной не было! На гранитном ядре можно стоять. Давай!

Атлантида должен был с нею согласиться. Ясно, что колодец готов был терпеть камни, которыми его завалили, но почему-то отрицательно относился к осколкам кирпича. Атлантида ухватился за край и прыгнул. Почувствовал, как ядра под его ногами отвратительно дрожат – будто они живые и трясутся от страха. Платону тоже передалась эта мерзкая дрожь. Он посветил фонариком. К счастью, обломок кирпича провалился не слишком глубоко. Платон достал его и протянул Андро. Она швырнула “возмутителя спокойствия” обратно в кучу. Дрожь колодца стала постепенно стихать. Звук, рвущийся из каменного жерла, тоже стих. Но лучше здесь не задерживаться.

Атлантида уселся на пол “мастабы”. Надо было обдумать положение. Никакого плана действий у него не имелось. Можно попробовать разбирать дальше, вдруг им повезет, и они все-таки вырвутся на поверхность. Конечно, от этого решения за добрый парсек разило авантюризмом. У Андромахи тоже пока не возникло дельных идей...

Они возились с завалом еще полчаса. Безрезультатно. Вскоре все внутреннее помещение “мастабы” было завалено обломками кирпича, а никакого просвета не образовалось. Однако и воздух не иссякал. Хотя дышать стало тяжело, причиной тому была пыль, висевшая в воздухе и заставлявшая пленников непрерывно кашлять и чихать, а не недостаток кислорода. Объяснение напрашивалось само собой: где-то в “мастабе” существовала вентиляция, и она до сих пор работала. Платону припомнились многочисленные детективы из старинной жизни, когда по вентиляционному ходу народ проникал повсюду, даже в суперсекретные здания разведок. Камней они с Андро нагребли уже столько, что образовалась насыпь, доходящая до края колодца. Обследовать стену можно было без труда – почти до самого потолка. Через пятнадцать минут Атлантида нашел то, что искал: белый кружок света от ручного фонарика уперся в квадратную плитку, отличимую от прочих лишь тем, что вся она была усеяна черными дырочками. Правда, плитка находилась не под потолком, а гораздо ниже. В дело был пущен нож, и вскоре крышка вентиляционного отверстия упала на пол. Открылся довольно широкий ход.

“Рассчитан на более коренастых немертейцев”, – подумал Атлантида.

– Ну что ж, Андро, как даму я пропускаю тебя вперед.

– А если этот ход никуда не ведет?

– Ведет, ведет... Если воздух поступает, значит, ведет! Пусть на выходе окажется хотя бы маленькое отверстие, а уж я расширю его бластером.

Он подсадил сначала ее, потом залез сам. Предусмотрительно закрыл за собой крышку. Теперь их как будто и не было никогда в “мастабе”. Ход был облицован сероватым местным камнем, похожим на земной известняк. Пол шел практически горизонтально. Ползти было удобно. Однако ползти – это не ходить. Вскоре Андро выбилась из сил. И тогда Атлантида пожалел, что пропустил ее вперед. Теперь им было уже не поменяться местами. Пришлось немного отдохнуть.

– На планете точно нет никого, кроме тебя и этой странной парочки – Кресс и Ноэля? – спросил он.

– Никого. Ты же видел. И что за странные вопросы?

– Дело в том, что мне показалось... будто по защитному куполу ударили мегаснарядом. Я конечно, в военном деле менее силен, чем в археологии, но... Этот взрыв не похож на природный катаклизм. И если ты по-прежнему настаиваешь, что на планете никого нет, кроме вас троих, вернее, нас четверых, то остается предположить, что обстрел произвели твои друзья. Или что нашу милую планетку захватили галактические пираты.

– Что за ерунда! Ты увлекаешься детскими геймами про пиратов?

– У вас дефицит энергии, информационные сети – дрянь. Вы, дорогие мои, лакомый кусочек. Разумеется, здесь нечего брать, кроме груды черных горшков. Но зато можно устроить прекрасную базу.

– Ты забыл про военный спутник Лиги Миров. И забыл про Ройк. Там масса военных, куча техники, прекрасная Служба безопасности. Им поставляют самое совершенное оружие. Им разрешено иметь даже ортогелиевые дезинтеграторы. И потом, пересадочная база тоже рядом. Пираты ни за что не обоснуются у нас – их вычислят через пять минут, а через десять уничтожат вместе с половиной планеты. Ведь здесь нечего беречь, кроме природы, которая не представляет особой ценности, учитывая наличие десятков таких же планет в Малом Магеллановом облаке. А люди ценят лишь уникальные экземпляры. Он должен был согласиться, что ее рассуждения логичны и версия с пиратами не выдерживает критики. И все же он предпочел бы свою версию, чем обстрел купола Ноэлем и Кресс. Почему-то эти двое были ему симпатичны. А вот Андро – не особенно.

Наконец они доползли до конца туннеля. Крышка открылась довольно легко – девушка сама с нею справилась. И бывшие пленники оказались среди холмов, покрытых нежной светлой зеленью. Красноватая “городская” стена возвышалась в сотне метров от них. Столб пыли все еще поднимался над тем местом, где произошел взрыв.

“Это не вентиляция, – решил Платон, – а тайный ход. Кто-то пробирался по нему к колодцу... Но зачем?”

Они уселись на траву. После пыли подземной ловушки дышалось удивительно легко. Андро отерла лицо платком, но лишь размазала пыль по щекам и лбу. Теперь она походила на звездного рейнджера перед началом полевой операции на планете земного типа. Атлантида отцепил от пояса флягу и протянул Андро. Та сделала осторожный глоток.

– Я думала, что это брага...

– Вода. Чистейшая вода. Брага у меня в другой фляге.

Он отвинтил крышку от маленькой фляжки, глотнул.

– Ого, металлическая! – Изумилась археологиня. – Это ж такая редкость! – Она взяла у Атлантиды флягу, подержала и тут же вернула. Ее любопытство тут же исчезло.

– Археологическая находка. Обнаружил ее во время раскопок на одной из планет. Разумеется, она не принадлежала ни к одной из местных культур, всего лишь потеря какого-то древнего астронавта. Поэтому я с легким сердцем взял ее себе.

– По-моему, вы все делаете с легким сердцем.

– Напротив! Статьи профессора Брусовского ложатся мне камнем на грудь.

Спасает текила.

Андро усмехнулась:

– Такие люди, как Брусовский, почему-то всегда на поверхности.

– Твое “почему-то” совсем неуместно. Они закономерно на поверхности и никогда не тонут. Она рассмеялась его грубоватой шутке. – А теперь, милая моя Андромаха, давай договоримся вот о чем. Ноэлю и Кресс мы ничего не рассказываем про этот ход. Нас попросту не было в храме. Мы были за стеной и потому уцелели во время взрыва.

– Почему мы не должны им говорить о том, что были в “мастабе”?

– Мне кажется, они что-то скрывают, – уклончиво отвечал Атлантида. – И мне хочется выяснить, что именно.

– Они нам поверят? Ведь мы собирались именно на раскопки.
– И передумали. Решили прогуляться по окрестным лесам.
– Откуда тогда эта пыль? Да, в логике ей не откажешь. – Тогда нам придется умыться. Здесь нет поблизости какого-нибудь ручейка?
– Есть не только ручеек, а настоящая речка. Но нам придется не только помыться, но и постираться.

Последнее замечание Атлантиде не понравилось-он предпочитал, когда за него это делают стиральные автоматы. Но такового под рукой не оказалось. Андро повела его к реке.

– Тебе дали не правильное имя, – сказал Платон. – Тебя надо было назвать Ариадной.
– Плохое имя. Ариадну бросил любовник.
– Андромаха лучше?
– Конечно. Ее хотя бы любил Гектор.

Он вновь отметил про себя, что его новая знакомая чересчур сентиментальна. С такими лучше не заводить интрижек. Они все принимают всерьез. И могут однажды утром, обнаружив в кармане пиджака билеты на межзвездный лайнер, всадить разряд бластера в лоб. Или в глаз... Почему-то оскорбленные любовницы обожают попадать лазерным лучом именно в глаза.

Жаль. Тем более жаль, что у Андро такие длинные стройные ноги.

3

Речка была как земная. Именно такими представлял Платон реки на Старой Земле. С пологими, заросшими тростником берегами, с розоватыми цветками кувшинок на темно-зеленой воде, с серебристыми шатрами плакучих ив (какие-то местные деревья, очень похожие на ивы). Какие реки на Земле-дубль, Атлантида узнать не успел. Проспекты доказывали, что очень красивые, но кто теперь верит рекламным агентам: свои потрясающие пейзажи они создают, не отходя от компьютера. Им ничего не стоит на каменные аллеи Пелора насадить цветущие сакуры со Старой Земли и выдать этот пейзаж за Ольстер-23 через год после бомбардировки.

– Я здесь часто купаюсь, – сказала Андро и указала на золотистый песчаный пляж, как будто нарочно устроенный самой природой. – У меня даже маленький контейнер в кустах припрятан. С пивом, консервированным мясом и печеньем.

– Замечательно. – Платон сразу же ощутил зверский голод. Или, как говаривали древние, голод коршуна. – Надеюсь, у тебя нет предрассудков, и мы можем искупаться вместе? Люди, занимающиеся археологией, порой перенимают обычаи предков. Надеюсь, ты не стесняешься наготы?

– О нет! – она засмеялась и принялась стаскивать комбинезон. Фигурка у нее оказалась очень даже ничего: тонкая талия и весьма аппетитная попочка. И равномерный загар удивительного оттенка. Так и хотелось коснуться... Да и не только коснуться... Она кинулась в воду и прервала его приятные наблюдения.

– Надеюсь, здесь не водятся пирании? – запоздало поинтересовался Атлантида, погружаясь в поток вслед за нею.

– Здесь есть рыбки, амфибии и даже пресмыкающиеся, похожие на маленьких земных аллигаторов. Кстати, совершенно бесстрашные. Они иногда преобильно кусаются.

Платон попытался рассмотреть, не плавают ли подле какая-нибудь из этих тварей. Но темно-зеленая вода была совершенно непрозрачной, даже собственное тело угадывалось с трудом. Аллигатор наверняка такого же оттенка, как вода. Археолог стремительно поплыл к берегу.

– Я пошутила! – крикнула вслед Андро. – Здесь нет ни крокодилов, ни змей.

Но назад в воду Платон не полез. А девушка еще минут десять резвилась в реке, пока он в цифровой бинокль, фиксирующий любое движение, наблюдал за поверхностью воды.

– Тебе в самом деле стоит опасаться за свое мужское достоинство, – заметила Андро, наконец выбираясь на берег, – любой хищник сочтет его лакомым кусочком.

Признаться, он не ожидал подобной шуточки от смущавшейся, как старая дева, археологини. Явилось желание столкнуть ее в речку, поплескаться в воде, а потом...

И она, казалось, ждала чего-то подобного. Но эти подозрительные слезы, этот дрожащий при любом неосторожном слове голос... нет-тут ясно стоит знак: "заминировано". Платон привык не осложнять себе жизнь.

И археолог занялся стиркой своего комбинезона. Девушка явно обиделась. Она даже не пыталась этого скрыть – резко передергивала плечами, демонстративно втягивала носом воздух. Как будто Атлантида пообещал жениться на ней и нарушил слово. А что было-то? Самый невинный поцелуй в "мастабе". И вот нате – куча фантазий.

Однако ленч она все-таки приготовила, разложив по пластиковым коробочкам свои припасы. Мясо оказалось очень даже ничего (заменитель, но вполне приличный), а вот срок хранения печенья кончился лет двадцать назад. Мимо закусывающих археологов проползла по песку какая-то тварь, похожая на наложенные друг на друга краями две пластиковые желтоватые миски, из-под которых высовывались многочисленные мохнатые светло-коричневые ножки.

– Кто это? – поинтересовался Атлантида.

– Я называю их самцевозами. Разумеется, это ненаучно. По классификации они имеют какое-то другое название. Что-то вроде яйцеед быстropolзущий. Ведь это парочка: самка впереди, а самец сзади, вцепился ей в панцирь челюстями и едет верхом.

Атлантида присмотрелся. В самом деле "миски" явно были автономные, хотя сейчас и находились в тесном контакте. И вторая явно меньше первой. Судя по всему, "миски" в данный момент занимались сексом. – И они никогда не расстаются? – Платону почему-то при этой мысли стало тоскливо.

– Ну почему же! Расстаются. Когда самка отложит кладку яиц в песок, самец оставит подругу и начнет поедать яйца. Обычно эта первая кладка из неоплодотворенных яиц. Освободившись таким образом от самца, самка отползает как можно дальше и делает вторую кладку – здесь уже почти все яйца оплодотворенные. Брошенный самец срочно ищет другую самку. Или чужую кладку. Но поскольку сам он передвигается слишком медленно, то обычно вскоре погибает. Но иногда ему везет, и он все же находит самку и ездит на ней, пока дама не подсунет своему кавалеру ложную кладку.

– Вижу, здесь велись долгие наблюдения за фауной...

– Это я немного понаблюдала за этими... "яйцеедами быстropolзущими". Официальные ученые составили биологическую карту планеты, переписали тех тварей, которых смогли обнаружить, оставили пару работающих в автоматическом режиме "наблюдателей" и улетели.

– По-моему, у этих "яйцеедов" налицо явное вырождение, – заметил Атлантида.

– Ну разумеется! Ты же заметил: самец мельче самки. И здесь много таких экземпляров.

– А гуманоиды? Немертейцы? Они как? Кто у них был выше ростом – женщины или мужчины? Андро пожала плечами:

– Не знаю. У меня нет точных данных... Мы нашли лишь два скелета женщин. И одного мужчину. Их мы точно идентифицировали как немертейцев. Останки потерпевших катастрофу астронавтов не в счет. Для создания классификации маловато. Я думаю, жители Немертеи сжигали своих покойников. – Так методично, что от всего населения осталось только три скелета? Что-то мне эта гипотеза не нравится. Кстати, как ты думаешь, что сейчас делают Кресс и Ноэль?

– Приехали на раскопки и пытаются нас отыскать. – Не уверен. Ребята наверняка копают у себя, и до нас им никакого дела нет. Андро не согласилась:

– Они слышали взрыв.

– Ну и что? Твои друзья могли предположить, что мы расчищаем какой-нибудь новый участок.

– Я никогда не пользуюсь взрывчаткой.

– Тогда пойдем и проверим, какая из теорий верная – моя или твоя.

Опять в глазах женщины мелькнуло разочарование. Они натянули еще влажные комбинезоны и отправились в путь. Вскоре тропинка, проложенная Андро, вывела на вполне приличную дорогу. Сквозь синие и красные плитки то там, то здесь пытались пробиться кустарники, но дорожное полотно еще держалось.

– Фантазии у немертейцев в самом деле маловато, – досадуя на вымерших обитателей планеты, заметил Атлантида.

– Похоже, все дороги у них мостят только такими плитками? Кстати, а куда она ведет?

– К городской стене. А в ту сторону – на гранитные каменоломни.

– Тогда пойдем в город. Каменоломни оставим на потом. Дорога довольно круто поднималась вверх. Почти одинаковые огромные деревья росли на определенном расстоянии друг от друга, и можно было предположить, что они посажены немертейцами много лет назад. Однако не так уж давно, если все еще растут. И сухих стволов почти не встречается. По словам Андро, местные буки растут порой до двух тысяч лет. Платон специально осмотрел лежащего возле дороги спиленного великана. Судя по срезу, его повалили совсем недавно. Платон провел кончиком трости по пню. Дереву было не меньше тысячи подсчитал чип в тросточке. Нетрудно предположить, что дороге примерно столько же.

Так по древней дороге – для удобства Андро называла ее “Аппиевой” – они дошли до городской стены. Ворота здесь открывались точно так же, как и те, первые – водишь пальцем по кругу, и дверь сама собой распахивается. Странно, почему хотя бы для сокращения пути кладоискатели не разрушили часть этой нелепой преграды?

Судя по всему, Андро любила позагорать на реке и на раскопки частенько возвращалась этой дорогой: за стеной среди обломков и вздыбленных осколков она протоптала тропинку. И потому Атлантида и его спутница вскоре вышли к тому месту, где оставили вездеход. Теперь рядом с машиной Андро стояла вторая.

– Вот видишь, ты ошибся! – с жаром воскликнула археологиня, довольная, что оказалась права, а Платон ошибся. – Они приехали. Услышали взрыв и примчались...

– ...Чтобы отыскать наши изуродованные останки, – мрачно пошутил Платон. Он проверил – на месте ли бластер. И только потом отправился искать Ноэля и Кресс.

Археологи-любители копались на месте разрушенного купола. То есть от самого купола ничего не осталось. Но поскольку он обладал довольно приличной прочностью, то развалины храма не особенно пострадали. Во всяком случае, от “жертвенника” отвалился лишь небольшой кусок, да еще его поверхность изрядно посеколо осколками. Видимо, стрелок метил в “мастабу”. И даже не в саму “мастабу”, а рядом – в ход. Потому что треугольная крыша странного сооружения уцелела.

Ноэль и Кресс с помощью старенького робота-землесоса разбирали завал. Оба в рабочих комбинезонах, на головах легкие гражданские гермошлемы с прозрачными забралами. Только теперь Атлантида удивился, а почему Андро не пользуется в этой обстановке гермошлемом?

– А что здесь произошло?! – очень натурально разыграв удивление, спросил Рассольников.

– Вы! – вскрикнула Кресс, роняя обломок кладки, который держала в руках.

Ноэль перестал отгребать битый кирпич и уставился на пришедших так, будто видел впервые. Лишь робот продолжал трудиться, не забыв при этом прохрипеть:

“Приветствую гуманоидов женского и мужского пола”. За такое приветствие Платон с удовольствием оторвал бы ему манипуляторы.

– Мы думали... мы думали... что вы там, – выдавила наконец Кресс, – Вы же собирались копать. А потом этот выстрел...

– Выстрел? Так это был выстрел? А из чего стреляли? – тут же оживился Атлантида.

Андро молчала и нервно тербила бахрому платка, которым вновь замотала лицо. Сквозь прозрачное забрало гермошлема, несмотря на слой пыли, Атлантида видел, что Кресс нервно кусает губы, срочно пыталась придумать ответ. – Это хог, – вдруг сказал Ноэль. Кресс не ожидала, что он осмелится произнести эту короткую фразу, и вздрогнула всем телом. – Кто такой “хог”? Никогда не слышал о нем.

Ноэль вздохнул. Видимо, срочно пытался придумать правдоподобную байку. То, что супруги знают гораздо больше, чем Андро, Платон уже понял. Весь вопрос, насколько много они знают.

– Ну, как сказать... Это что-то... кто-то... вроде местного разбойника. Он уже дважды нападал на нас, когда мы пытались раскопать виллу. Но это, так сказать, были легкие удары... Не такой, как теперь.

Пожалуй, он сказал правду. Вернее, часть правды. Очень маленькую часть. Но без приправы лжи.

– А почему вы меня не предупредили? Вы, между прочим, подвергли мою жизнь опасности. А я пока что свою жизнь ценю, и ценю высоко. И Андромаха мне ничего не сказала.

– Как будто я не могла пострадать! – воскликнула та раздраженно. – Я точно так же ничего не знала, как и ты.

– Случайно не ваш ли таинственный хог стащил мое золотишко?

– Ноэль и Кресс переглянулись, но промолчали. – Он что, охотится за золотом?

Платон чувствовал, что он на верном пути. Но помогать идти ему никто не собирался. Но все же можно предположить, что таинственный хог крадет золото и устраивает из него маленькие фейерверки.

– Программа закончена! – сообщил робот, прервав его размышления. – Ожидаю новой команды. Копать дальше?

Робот очистил большую часть лестницы, найденной Андро, или вернее то, что от нее осталось. Эпицентр взрыва находился где-то недалеко от раскопа в полу, и теперь вместо ямы образовалась воронка. Зато стена “мастабы” почти не пострадала. Из груды кирпичного крошева показалась уже верхняя часть дверного проема, и образовался крошечный просвет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.